К 300-летию со дня кончины Патриарха Никона

Протоиерей Лев ЛЕБЕДЕВ

ПАТРИАРХ НИКОН

Очерк жизни и деятельности

«Вечно, Святителю, с Богом пребывай,
И нас, чтущих имя святое твое, поминай,
Предстоящи пред Престолом Господа Бога,
Да и нам преподастся милость Его многа».

(Надпись на стене в приделе, где похоронен Патриарх Никон.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси,— одно из самых великих явлений Русской и Вселенской Церкви, отечественной и мировой истории и культуры. Значение его до сих пор не вполне осознано по ряду определенных объективных причин.

В XVIII—XIX вв., в период становления и развития нашей исторической науки, имя Никона слишком тесно связывалось с его борьбой против абсолютистских притязаний царского самодержавия на господство в церковных делах. Эта борьба привела в 1666 году к возникновению знаменитого судебного «дела» Патриарха; его лишили сана, сослали в заточение в монастырь. И хотя в конце жизни он был возвращен из ссылки, а затем разрешен и восстановлен в патриаршем достоинстве, русская монархия, начиная с Петра I, сохраняла к нему отрицательное отношение. Предвзятый судебный процесс создал определенную официозную версию о личности Никона, умышленно искажавшую его духовный облик. Эта версия без особых изменений перекочевала затем в труды таких видных историков, как С. М. Соловьев, митрополит Макарий (Булгаков) и др., которые жили и писали в условиях той же монархии и насильственно лишенной Патриаршества «синодальной» Церкви.

Были еще две причины, побуждавшие многих отечественных историков не очень заботиться о пересмотре «дела» и о перемене отношения к личности Никона. В образованном обществе прошлого столетия довольно прочно укоренился взгляд на историю России, согласно которому только после того, как Петр I «прорубил окно в Европу», к нам оттуда хлынул «свет» истинного просвещения и культуры, а всё, что было до этого, представлялось в основном некоей тьмой невежества... При таком взгляде на вещи, личность и деятельность Никона не могли быть объективно рассмотрены и поняты. К этому присоединялось также и пере-

живание в русском обществе явления церковного раскола старообрядчеством, в возникновении которого привыкли винить Патриарха Никона (что не совсем верно, как мы потом увидим). Так создался хрестоматийный штамп, представлявший жизнь и личность Никона в отрицательных чертах.

Однако интерес к деяниям Патриарха, связанным с очень важными церковно-государственными и общественными процессами, не ослабевал, а со второй половины XIX и в начале XX в. даже неуклонно возрастал. Были опубликованы все документы судебного «дела» Никона, многие редкие документы, относящиеся к периоду его Патриаршества; об этом святителе гражданскими и церковными историками было написано столько, сколько ни об одном другом!

В этой обширной литературе можно встретить работы, в которых личность и деятельность Патриарха рассматриваются как положительное явление (например, у Н. Субботина, архимандрита Леонида (Кавелина), М. В. Зызыкина). Но «гипноз» хрестоматийных представлений был слишком силен, и в общественном мнении образ Патриарха Никона продолжал рисоваться в темных тонах[1]. Современная историческая наука, вообще далекая от церковной проблематики, за пересмотр «дела» Патриарха Никона попросту не бралась.

Между тем Никон — это далеко не только обрядовые исправления и судебное «дело». Это целая эпоха важнейших и интереснейших решений, событий и начинаний, определивших во многом дальнейший ход отечественной истории и общественной жизни, оставивших и целый ряд «завещаний» и загадок, которые еще нуждаются в расшифровке. Патриарх Никон — это проблема Вселенской Православной экклезии и места в ней Русской Церкви, проблема развития иконографического учения Православия, острейшая проблема отношений монархии и Церкви, когда была предопределена неизбежность падения самодержавия в России. Никон — это дивное и уникальное явление в русской архитектуре, вносящее драгоценный вклад в сокровищницу национальной и мировой культуры и искусства (построенный Патриархом Новоиерусалимский монастырь академик И. Э. Грабарь назвал «одной из самых пленительных архитектурных сказок, когда-либо созданных человечеством»).

Жизнь и деятельность Никона поразительно многообразны и оставили след в истории значительными и порой великими свершениями. Никон явился сгустком самых разносторонних талантов. Он прекрасно разбирался во всех тонкостях зодчества, был знатоком и ценителем иконописи, пения, литургики, прекрасно владел искусством управления Церковью и государством, знал военное дело, был выдающимся организатором, обладал огромными по тому времени познаниями в области священной и гражданской истории, различных областей богословия, занимался медициной, греческим языком, собрал прекрасную библиотеку самых разнообразных сочинений от Аристотеля и Демосфена до святых отцов и учителей Церкви. При всем том Патриарх был великим *молитвенником и подвижником.*

Выходец из простых крестьян, Никон глубоко и искренне любил свой народ и, будучи вознесен на высоту патриаршего престола, явился ярким выразителем духа и воли русского народа, его бесстрашным и решительным заступником, прославился как деятельный защитник притесняемых и угнетенных.

Всё это достаточно основательные мотивы для того, чтобы отметить 300-летие кончины Патриарха Никона попыткой заново рассмотреть основные стороны его жизни, деятельности и личности, воссоздать, насколько возможно, хотя бы важнейшие общие черты его духовного облика.

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

«Горних ища, рода земна весьма отречеся.
Братства Анзер при мори монахом почтеся,
Един в Кожезерской немало пустыни,
От печалей удален живяще во святыни».
(Эпитафия Никону) *

«В лето от мироздания 7113 (1605) в месяце мае в пределах Нижняго Новаграда, в веси нарицаемой Велдемановой, родися он, Святейший Патриарх, от простых, но от благочестивых родителей... и наречено ему имя Никита, по имени преподобного Никиты Переяславского чудотворца, егоже Святая Церковь прославляет майя в 24 день». Так начинается «Известие о рождении и о воспитании и о житии...» Патриарха Никона, написанное его преданным клириком иподиаконом Иоанном Шушериным[2]. Это единственный источник, который сообщает о самом раннем, начальном периоде жизни великого святителя. В скупых непритязательных строках содержится то, что в свое время, по-видимому, сам Патриарх рассказывал окружающим о своем детстве и юности и что много лет спустя записал Шушерин.

Мать Никиты Мария умерла, когда мальчик был совсем маленьким. Отец его, крестьянин Мина, женился второй раз, и «мачеха его зело к оному Никите бысть зла». Она избивала пасынка, морила его голодом и холодом. Однажды он решился сам взять в погребе что-нибудь поесть и был наказан ею таким ударом в спину, что, рухнув в глубокий погреб, «едва тамо не лишися духа жизни». Как-то Никита, спасаясь от холода, залез в погасшую, но еще теплую русскую печь и, пригревшись, уснул там. Мачеха увидела его в печи, тихо заложила дровами и зажгла их... Крики мальчика, проснувшегося в дыму и огне, услышала его бабушка, выбросила дрова из печи и спасла внука. В другой раз мачеха начинила пищу мышьяком и с необычайной ласковостью предложила Никите поесть. Всегда голодный ребенок набросился на еду, но, ощутив жжение в гортани, оставил пищу и стал жадно пить воду, это и спасло его от верной гибели. Возвращаясь с тяжелых сельских работ, Мина часто заставал сына избитым до крови, голодным, продрогшим. Усмирить жену он не мог, и видеть сына в таком состоянии было тяжело.

Тогда, как пишет Шушерин, «по желанию Никитину, паче же по Божию смотрению, отец вдаде его научению грамоте Божественного Писания». Никита неожиданно проявил большие способности, старание и быстро научился «святых книг прочитанию». Окончив начальное обучение, он вернулся домой, стал помогать отцу по хозяйству, но скоро заметил, что забывает изученное. Тогда он решился оставить дом, отца, хозяйство и тайком бежать в монастырь «ради научения Божественного Писания». И бежал в Макарьев Желтоводский монастырь близ Нижнего Новгорода, где стал послушником...

Там обнаружилось одно из важнейших свойств души будущего Патриарха: Божественные истины бытия, постигаемые через духовные знания и подвижническую жизнь, явились тем сокровищем, к которому паче всего устремилось его сердце (Мф. 6, 21). Интересно отметить, что это стремление ускоряется в своем проявлении тяжелыми страданиями от жестокости в детстве. Злоба человеческая оказала и еще одно важное влияние на характер будущего святителя: она заставила Никиту более всего ценить в отношениях с близкими людьми противоположные качества — искреннюю любовь, подлинную и верную дружбу. Он действительно, как показывает его дальнейшая жизнь, более всего ценил именно это, причем настолько, что никаких иных отношений вообще не признавал.

В монастыре послушнику Никите назначили клиросное послушание. Не оставлял он и «непрестанного прилежания» к чтению Божественного Писания. После пережи-

---

* Эпиграфами в настоящем очерке служат строки из стихов XVII в., вырезанных на камне в Новоиерусалимском монастыре.

того дома строгая монастырская жизнь не казалась ему тяжелой, и он охотно прилагал труды к трудам. «Видя своя детская лета, в них же обыкл есть сон крепок быти», Никита в летнее время ложился спать на колокольне у благовестного колокола, чтобы не проспать начала раннего богослужения. В нем начал пробуждаться истинный подвижник, хотя монашеского пострига он еще не принял.

В это время с ним случились два странных происшествия. Об одном из них повествуется в «Житии Илариона, митрополита Суздальского»[3], о другом — в этом же Житии и в «Известии» Шушерина.

Неподалеку от монастыря, в селе Кириково, жил некий учительный и благочестивый священник Анания, к которому Никита любил ходить для духовных бесед и наставлений. Однажды он попросил о. Ананию подарить ему рясу. Тот ответил: «Юноша избранный, не прогневайся на меня; ты по благодати Духа Святаго будешь носить рясы лучше этой; будешь ты в великом чине Патриархом». В другой раз Никита со сверстниками-послушниками попал в дом некоего гадателя-мордвина (по Шушерину — татарина), и, гадая о Никите, тот в сильном волнении объявил: «Царь будешь или Патриарх» (по Шушерину — «будешь Государь великий Царству Российскому»). Такие предсказания должны были бы сильно возбудить тщеславные мечты у одаренного юноши, уже вступившего на путь иночества, но он не был подвержен любоначалию. Произошло обратное: он не придал им никакого значения. И обнаружилось это в событии неожиданном, резко нарушившем такое, казалось бы, определившееся течение жизни.

Обманом вызванный из монастыря в родное село, Никита пережил смерть отца и любимой бабушки и, поддавшись «от сродник многих советом и прошением», женился... Женитьба не пресекла духовного подвига Никиты. Стремление к Царству Божию по-прежнему осталось главным для него, так что и женатый он не мог жить вне храма и богослужения. Сначала Никита становится псаломщиком в одном из сёл в родных местах, а затем — священником в этом же приходе.

Скоро он с семьей переселяется в Москву. Историки — митрополит Макарий (Булгаков) и С. М. Соловьев пишут, что о. Никиту как незаурядного священника заметили столичные купцы и взяли с собой в Москву. Но Шушерин ничего не говорит об этих купцах, зато сообщает, что в Москве у Никиты были родственники[4]. Не кажется безосновательным предположение, что в Москву Никиту потянуло всё то же желание углубления и совершенства духовных знаний и опыта. В этом отношении столица, конечно, давала одаренному священнику очень большие возможности. И если судить по времени пребывания в Москве (не менее семи лет, а то и более) — он в полной мере ими воспользовался. Но в то же время Москва-столица открывала с особой отчетливостию и все соблазны и пороки мира сего. Здесь окончательно решался для Никиты вопрос о его отношении к миру, определялся дальнейший жизненный путь. Священник Никита сделал твердый выбор: «зря мира сего суету и непостоянство», он решил навсегда оставить мир. Этому способствовали и семейные обстоятельства. За десять лет совместной жизни супруги имели троих детей, но они умерли один за другим в младенческом возрасте. Казалось, что отнятием детей Господь не благословляет их супружество. Возможно, вспомнилось, что женитьба Никиты произошла как бы в нарушение того сердечного обета о монашестве, который он носил в себе, когда был послушником. Однако, с промыслительной точки зрения, семейная жизнь не была для будущего Патриарха случайностью. Она дала ему возможность всесторонне изучить жизнь и нравы современного общества, познать действительное положение людей. Много лет спустя Павел Алеппский напишет о том, что Патриарх Никон потому так хорошо разбирается в государственных и мирских делах, что сам был женат и жил мирской жизнью.

Никита стал уговаривать жену принять монашество. С Божией помощью это удалось, и она, «восхотев Богу паче, нежели миру работати», ушла в московский Алексеевский девичий монастырь[5], а о. Никита, «желая ко спасению обрести путь удобный», отправился на край света — на Белое море, в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Если бы действительным стремлением души о. Никиты было не духовное восхождение к Богу, а, скажем, продвижение по иерархической лестнице, он не ушел бы к Полярному кругу, а постригся в монашество скорей всего в столице... Отметим эту исключительную цельность натуры подвижника в его стремлении к Горнему миру: она многое объяснит в последующей жизни Патриарха.

Отцу Никите был примерно тридцать один год, когда в Анзерском скиту он принял монашеский постриг от преподобного Елеазара († 1656; память 13 января), получив имя Никон, в честь преподобномученика Никона епископа (память 23 марта). Началась его новая жизнь. Анзерский скит расположен на небольшом острове Белого моря, в 20-ти верстах от Соловецкого монастыря. Скудная растительность, очень

короткое лето, лютые холода зимой, полярная ночь, бесконечное море, ветры и волны... Правило монашеского жития было очень строгим. Келлии иноков располагались на расстоянии двух поприщ (трех километров) одна от другой и на таком же расстоянии от соборной церкви. В каждой келлии жил только один монах. Братия не виделись друг с другом целую неделю, сходились в субботний вечер в церковь, служили вечерню, повечерие, утреню, стихословили все 20 кафизм, после 10-ти кафизм читали толковое воскресное Евангелие и так проводили в непрерывном бдении всю ночь до утра. С началом дня они, не расходясь, служили литургию, а потом прощались, давая друг другу братское целование, прося молитв, и возвращались в келлии в полное одиночество снова на всю седмицу. Пищей монахов была в основном мука, в небольшом количестве жертвуемая из государственных запасов, случайная милостыня рыболовов и те немногие овощи и ягоды, которые успевали вырасти летом на острове.

С благословения старца Елеазара иеромонах Никон предался особым подвигам поста, молитвы и воздержания. Помимо положенных молитвословий вечерни, утрени, кафизм, канонов, утренних и вечерних молитв, Никон в каждое «**дненоществие**» прочитывал всю Псалтырь и совершал по тысяче земных поклонов с Молитвой Иисусовой, до крайности сокращая время сна. Притом он нес иерейское послушание в церкви скита. В этих условиях Никону пришлось лицом к лицу столкнуться с тем, с чем сталкивались все истинные аскеты и подвижники благочестия. Духовные подвиги его оказались нестерпимы для врага человеческого спасения и выманили демонские силы на открытое противоборство. Как повествует Шушерин, когда Никон решался отдохнуть немного от трудов своих, «тогда абие нечистии дуси приходяще к нему в келлию, его давляху и иныя пакости и страшилища многообразными своими мечты деяху, и от труда ему почити не даяху». Страдая от таких напастей, Никон стал читать еще и молитвы от обуревания злыми духами и каждый день совершать водоосвящение, окропляя святой водой свою келлию. Напасти прекратились. Но главное, — Никон вышел победителем в борьбе со страхом перед силами зла. Так в трудах, подвигах, молчании и молитвенном общении с Богом прошло почти три года.

Однажды старец Елеазар собрался в Москву за милостыней на постройку каменной церкви в ските и взял с собой иеромонаха Никона, на которого, следовательно, особенно полагался. Никон оправдал доверие преподобного. Они побывали в Москве у «многих благородных и благочестивых» людей, били челом самому государю Михаилу Федоровичу и, собрав около пятисот рублей (по тем временам сумма, достаточная для постройки храма), вернулись в Анзер.

Но здесь Никона подстерегало неожиданное искушение. Из самых благих побуждений (чтобы разбойники, узнав о деньгах, не перебили братию) Никон стал предлагать Елеазару или поскорее начать строительство, или отдать деньги на сохранение за надежные стены Соловецкого монастыря. Старцу эти предложения были не по душе, и он стал гневаться на Никона. Никон скорбел, старался достичь примирения, но не смог и решил покинуть скит. Трудно теперь в точности выяснить, что все-таки произошло. Невероятно, чтобы утверждающий себя в строгом иноческом послушании Никон дерзнул как-нибудь оскорбить старца, от которого принял постриг. Невероятно также, чтобы святой Елеазар всерьез возненавидел своего постриженника за доброе желание обезопасить обитель или не смог по-отечески простить ему даже грубость, если таковая и была допущена. Может быть, Елеазар, как наставник монахов, счел неполезным для подвижника столь живой интерес к вещам, не касающимся его духовного подвига. Как бы там ни было, но Никон воспринял эту перемену отношения к себе настоятеля как пресечение прежней любви между ними и, после безуспешных попыток восстановить ее, решил уйти.

«Если нельзя быть в любви и согласии, то нельзя быть вместе вообще» — вот формула действий Никона. Сделавшись Патриархом, Никон немало благотворил преподобному Елеазару и Анзерскому скиту. Значит, он не таил обиды на старца.

Отправляясь в лодке на материк, Никон едва не утонул во время бури, дав обет построить монастырь на Кийском острове Онежской губы, куда лодку его прибило волнами, что впоследствии и исполнил.

С большими трудностями он затем добрался до Кожеозерской пустыни, где его приняли в число братии. Поначалу Никон служил в монастырской церкви, но скоро, «сжалившися о уединенном пустынном житии», умолил настоятеля и братию отпустить его на одинокий остров посреди озера, где и начал жить «чином Анзерския пустыни». Помимо молитвенных подвигов, деланием Никона на этом острове была ловля рыбы для братии. Тем временем почил в Бозе престарелый игумен Кожеозерской обители. Братия, видевше «от Бога одаренный разум» и «добродетельное житие» иеромонаха Никона, стали просить его быть им игуменом. Он отказался. Братия просили еще и еще, и Никон отказывался. И лишь «по многом отрицании», видя,

что монахи не устают просить, он, не желая «презрети» «многаго их прилежнаго прошения», согласился. Во игумена Кожеозерской пустыни Никон был поставлен в Новгороде митрополитом Новгородским и Великолуцким Аффонием в 1643 г.[6] Воротясь в обитель, он продолжал жить строго и просто, по-прежнему занимался рыбной ловлей и любил сам готовить рыбу и угощать ею братию. В 1646 г. монастырские нужды (скорее всего — сбор пожертвований) заставили его отправиться в Москву. Вряд ли он думал, что отправляется к вершинам своей славы и власти.

ВОЗВЫШЕНИЕ

«О благочестии истинный бысть ревнитель».
(Монастырский летописец)

Прибыв в Москву, игумен Никон представился царю. По обычаю тех времен, каждый приезжавший в столицу настоятель монастыря обязан был представляться государю. Но в этот период молодой Алексей Михайлович и его духовник протоиерей Кремлевского Благовещенского собора Стефан Вонифатьев с особой пристальностью всматривались в каждого приезжающего. Они искали таких духовных лиц, которые смогли бы стать союзниками в задуманном ими великом деле очень важных церковных преобразований, имевших далеко идущие политические цели.

Алексей Михайлович рос и воспитывался под двойным влиянием: дядьки своего боярина Бориса Ивановича Морозова и духовника о. Стефана. Морозов — опытный царедворец и плут — знакомил молодого Алексея с мирской стороной жизни, а о. Стефан стремился воспитать царя в духе строгого православного благочестия, чему очень помогал весь жизненный уклад тогдашнего русского общества, так что влияние о. Стефана оказалось особенно сильным[7]. Алексей Михайлович вырос искренне верующим человеком. Он не мыслил себя вне церковной жизни, близко к сердцу принимал все ее события и дела, очень любил богослужение, в совершенстве знал Устав, сам читал и пел на клиросе, любил зажигать лампады в церкви, постился всегда строго по Типикону[8]. Алексей Михайлович очень почитал церковную иерархию, и авторитет духовного лица, особенно если его отличала и подлинная святость личной жизни, был для царя непререкаем. Не без умысла духовник читал ему сочинения Феодора Студита и Житие Иоанна Златоуста — людей, страдавших от *нечестия царей* и боровшихся против этого нечестия[9]. Однако при всем том Алексей Михайлович был обычным человеком, и свойственная человеческой природе поврежденность нередко обнаруживалась в таких его поступках и словах, которые показывали, что влияние Морозова и вообще страстей мира сего не проходило для него бесследно[10]. Это не мешало ему считать себя глубоко православным христианином и потому полагать *главной* задачей царя хранение и укрепление веры, церковности и благочестия в народе. По его словам, православный государь должен «не о царском токмо пещися», но прежде всего о том, «еже есть мир церквем, и здраву веру крепко соблюдати и хранити нам: егда бо сия в нас в целости снабдятся, тогда нам вся благая стояния от Бога бывают: мир и умножение плодов и врагов одоление и прочия вещи вся добре устроятися имуть»[11]. Иными словами,— если царь не будет прежде всего заботиться о делах веры и Церкви, то пострадают все государственные дела и благосостояние народа, вверенного ему Богом.

К этим общим воззрениям на задачи царской власти присоединялась у Алексея Михайловича еще и твердая убежденность в том, что он, русский царь, является единственной в мире опорой Православия, законным наследником и продолжателем дела великих византийских императоров. Поэтому он должен всячески заботиться о православных народах, томящихся под турецким игом, о Вселенских Патриархах, вообще о Вселенской Церкви и при возможности обязан постараться освободить православный Восток от турок, присоединив его к своей державе. Эти идеи усиленно внушались ему русским и особенно греческим духовенством. Царь вполне усвоил их и даже просил прислать ему с Афона Судебник и Чиновник «всему царскому чину прежних благочестивых греческих царей»[12]. Он готовился занять их трон. Это было не праздным мечтательством юного царя. Государственная дипломатия, тайные службы всерьез работали в восточном направлении, подготовляя и разведывая возможности присоединения к России Греции и других земель, населенных православными народами. Алексей Михайлович не раз позволял себе высказываться в том смысле, что он должен стать освободителем православного Востока. Павел Алеппский передает такие его слова: «Со времен моих дедов и отцов к нам не перестают приходить Патриархи, монахи и бедняки, стеная от обид, злобы и притеснения своих пора-

ботителей, гонимые великой нуждой и жестокими утеснениями. Посему я боюсь, что Всевышний взыщет с меня за них, и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву свое войско, казну и даже кровь свою для их избавления» [13].

Это была заманчивая идея единой православной монархии с Россией и русским царем во главе. Идея имела свою предысторию, но что касается Алексея Михайловича, то в его сознании она оформилась в особенности под влиянием духовника Стефана Вонифатьева. Однако, чтобы претендовать на роль царя восточных православных народов, русский царь должен был возыметь с ними прежде всего полное религиозное единство, показать и подчеркнуть свое совершенное согласие с Церквами Востока. Но здесь открывались немалые трудности. Греческие иерархи, приезжавшие в Россию, постоянно отмечали различные расхождения русских церковных чинов и обрядов с греческой богослужебной практикой. Указывалось на это и до правления Алексея Михайловича, и при нем. Духовник о. Стефан убедил Алексея Михайловича в необходимости исправить русское богослужение и обычаи так, чтобы привести их в совершенное соответствие с греческими [14]. Но такой шаг встретил бы сильное противодействие со стороны тех, кто придерживался довольно распространенного тогда мнения, что только в России сохранилось подлинное благочестие и правая вера, а у греков все это «испроказилось» [15]. Вот почему о. Стефан и Алексей Михайлович собирали вокруг себя способных и сильных единомышленников, искали человека, могущего осуществить нелегкое и опасное дело церковных преобразований. Теперь можно себе представить приблизительно, под каким углом зрения смотрел царь на представленного ему Кожеозерского игумена Никона.

Алексею Михайловичу в 1646 г. было всего 17 лет. Год назад он лишился отца и матери. Характер у него был в общем добрый, мягкий (подчас даже до боязливости), но в то же время упрямый, деятельный и живой, и была в нем унаследованная от отца способность сильно привязываться к людям, которые полюбились.

Перед молодым царем предстал человек поразительный, словно вырубленный из северного камня. От Никона изливалась могучая и добрая духовная сила, способная легко покорять сердца людей. Основными чертами и слагаемыми этой мощи являлись глубокая молитвенность, большой жизненный опыт, многолетний аскетический подвиг в самых суровых условиях, цельность души в ее стремлении к Богу, отрешенность от земных страстей, порождающая спокойную внутреннюю независимость, поразительная прямота и честность (Никон никогда не умел хитрить). К этому еще прибавлялись живой ум, бодрость духа, очень большая начитанность, прекрасное знание Священного Писания, умение вести беседу (даже с царем!) непринужденно, без робости и в то же время с должным почтением. Это было то природное благородство души, которое не редкость в простом верующем русском народе и которое всегда вызывает восхищение. Если еще учесть и внушительную благообразную внешность сильного телом и душой монаха, то можно представить, какое глубокое впечатление произвел игумен Никон на юного царя. Алексей Михайлович буквально влюбился в этого человека («Никон от великаго самодержца зело возлюбися», — пишет Шушерин). Понравился Никон и строгому ревнителю благочестия о. Стефану Вонифатьеву. *Решено было поставить Никона архимандритом царского Новоспасского монастыря* в Москве.

Алексей Михайлович повелел, чтобы Никон каждую пятницу приезжал к нему во дворец к утрени, после которой государь «желал его беседою наслаждатися». Скоро, однако, эти беседы приобрели неожиданный характер. Люд московский, прознав о близких отношениях новоспасского архимандрита с царем, живо использовал это обстоятельство. Никону в монастыре, в храме, на улицах люди стали вручать челобитные с прошениями о самых разных нуждах. Здесь были и просьбы о защите от притеснений, жалобы на несправедливость судей, ходатайства о помиловании осужденных, мольбы, сетования — слезы народные. Никон по опыту жизни знал, как трудно, а порой и невозможно бедному человеку найти управу и защиту, прорываясь сквозь взяточничество, неправду и жестокость «дьяков» и «подьячих». Новоспасский архимандрит собирал все эти челобитные и без церемоний выкладывал ворох бумаг перед царем после утренней службы. Алексею Михайловичу ничего не оставалось, как тут же вместе с Никоном разбирать эти бумаги и давать по ним немедленные решения [16]. Никону стало трудно выезжать из монастыря из-за множества ожидавшего его народа. Его авторитет в глазах царя чрезвычайно вырос. Теперь царь приглашал его не только по пятницам, а по каждому удобному случаю. Никон сделался, по выражению Алексея Михайловича, его «собинным (особым) другом». Глубокая личная привязанность этих двух людей возрастала с каждым днем.

Но еще более полюбил архимандрита угнетаемый и притесняемый народ. Молва о Никоне как о заступнике людей распространилась далеко за пределы Москвы и

Куколь Святейшего Патриарха Никона

Святейший Никон,
Патриарх Московский и всея Руси

положила начало тому глубокому почитанию Никона в народе, с которым мы встречаемся не раз в дальнейшей судьбе Патриарха. Однако такое поведение человека, близкого к царю, не могло не восстановить против Никона многих царских бояр и князей. В свою очередь, и Никон не мог не занять враждебную позицию по отношению к высшему сословию. Выходец из народа и строгий аскет, он привык смотреть на сильных мира сего как на людей особенно подверженных страстям, а неожиданная близость к государю давала ему возможность проявить вполне свое презрение к подобной бездуховности. Правда, это обнаружилось не сразу. Поначалу только закладывалась основа будущего конфликта между Никоном и знатью; и следует подчеркнуть, что это начало положено искренним заступничеством Никона за народ (через головы и в обход боярско-княжеской верхушки).

Став архимандритом, Никон принялся заново перестраивать Новоспасский монастырь. Это был первый опыт будущего Патриарха в строительном искусстве и, надо сказать, весьма удачный. Никон выстроил на месте обветшавшей церкви новый величественный храм, воздвиг новые келлии и окружную монастырскую стену с башнями [17]. Получился прекрасный архитектурный комплекс, отличавшийся монументальностью и красотой. Знаменитый Павел Алеппский, архидиакон Антиохийского Патриарха Макария, посетив Новоспасский монастырь в 1655 г., записал: «Великая церковь (собор) выстроена Патриархом Никоном в бытность его архимандритом этого монастыря. Она благолепная, красивая, душу веселящая; мы не находим в этом городе (Москве) подобную ей по возвышенности и радующему сердце виду» [18]. В архитектуре этого собора впервые выявились художественные вкусы Никона — он любил монументальность, размах и православные традиции русского зодчества. Со свойственной ему пытливостью ума и основательностью Никон вникал во все процессы строительных работ. Здесь он, без сомнения, учился строительному искусству, осваивая всё — от составления и чтения чертежей до хитростей каменной кладки. Документы, относящиеся к дальнейшим его постройкам — Иверскому, Крестному, Новоиерусалимскому монастырям, обнаруживают в Никоне подлинного специалиста, до тонкостей знающего все строительное дело. Зодчество оказалось не побочным увлечением Никона. Со временем оно станет главным в его жизни и деятельности.

В Москве у Никона началась очень напряженная жизнь. Богослужение, молитва, монастырские дела отнимали большую часть суток. А ему еще нужно было встречаться с царем, многими людьми, читать и заниматься. Никон открывал для себя новые духовные горизонты, вынужден был думать о больших общецерковных проблемах. На фоне общего очень высокого благочестия русского народа особенно отчетливо стали выделяться в то время некоторые отрицательные явления церковной жизни. Расшаталась нравственность народа и духовенства, после Смутного времени заметно понизился уровень образованности священнослужителей, расстроилось богослужение, в котором тщетно пытались достичь единства, давно прекратилась живая церковная проповедь, а службы в храмах утратили учительный характер. Для сокращения службы читали и пели одновременно в три-четыре, а то и в пять-шесть голосов, чтобы таким образом в краткий срок исполнить всё, что предписывалось Уставом. Например, на утрени могли одновременно читать шестопсалмие, кафизмы, каноны, на фоне этой многоголосицы диакон одну за другой возглашал ектении и т. д. Стоящим в церкви при всем желании невозможно было ничего понять; служба теряла структуру и последовательность. Так называемое «хомовое» пение нелепыми ударениями, добавлением лишних гласных к словам коверкало священные тексты, превращая их в бессмыслицу. В русские богослужебные книги вкралось множество ошибок и описок. В некоторые обряды проникли серьезные искажения. В народе процветали самые грубые суеверия, возрождались языческие обычаи.

Борьбу с подобными отрицательными явлениями Церковь вела давно. В ближайшее к Никону время Патриарх Филарет возобновил и оживил дело церковного книгопечатания, пытался устроить греческую школу при своем дворе, организовал дело переводов с греческого на русский, а что особенно примечательно — стал широко привлекать греческую ученость к делу исправления русских обрядов и книг [19]. Сам Патриарх Филарет был ставленником Иерусалимского Патриарха Феофана и глубоко чтил авторитет Восточной Церкви. По внушению Феофана, Филарет упразднил у нас обычай преподносить мирянам Святое Причастие троекратно (во образ Святой Троицы) и установил единократное причащение. Также по настоянию Иерусалимского Патриарха был оправдан архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий, пострадавший за исправление русских богослужебных книг по греческим, в частности за исправление в русском Требнике чина Великого освящения воды. В соответствующей молитве у нас читалось: «Освяти воду сию Духом Святым *и огнем*». Слова «и огнем» были исключены Дионисием как неправильные. За это его осудили как еретика. Но Патриарх Феофан убедил русских, что здесь действительно ошибка. Агиограф Дионии-

сия между прочим замечает: «Дивный Патриарх Феофан учинил многи сыны Православия греческие книги писать и глаголать, и философство греческих книг до конца научил ведать» [20]. Не прекращавшееся никогда братское общение Русской Церкви с четырьмя Вселенскими Патриархатами при Филарете приобрело особое значение. В Москве постоянно жили несколько греческих иерархов, множество монахов и старцев, некоторые восточные архиереи становились русскими епархиальными епископами (Нектарий, Арсений). Патриарх Филарет в 1632 г. просил Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса прислать хорошего православного учителя для обучения «малых ребят» греческому языку и для перевода книг на русский. С этой целью остался в Москве протосингел Александрийского Патриарха Иосиф [21]. Кончина Патриарха Филарета в 1633 г. прервала его начинания. Но они ясно показывали, что Русская Церковь прочно стала на путь единения с Восточной Церковью, приведения русской литургики в соответствие с греческой.

Такая перемена в отношении к греческому Православию не привела тогда к потрясениям и расколам, хотя противников подобной линии в России было много. Об отношениях с греческой Церковью спорили еще в XVI в. Нил Сорский, Максим Грек, Курбский и др. полагали, что Русская Церковь во всем должна подчиняться греческой. Они даже отказывались признавать святыми Митрополита Иону и тех, кто был канонизован после учреждения автокефалии Русской Церкви. Против этой партии выступила группировка Иосифа Волоцкого. Признавая Митрополита Иону святым, преподобный Иосиф выразил идеи своей партии в словах «Просветителя»: «Русская земля ныне благочестием всех одоле». Эта позиция как будто согласовывалась с широко принятой в России идеей старца Филофея о Москве как о «Третьем Риме» и о России как наследнице погибшей за отступление от благочестия Великой Римской империи (Византии). Мнения Иосифа — Филофея в русском обществе победили, самостоятельность нашей Церкви была признана законной, особенно после учреждения Патриаршества. На греков многие стали смотреть как на отступников от настоящего благочестия. Мнения эти так прочно укоренились в русском духовенстве, что всякая иная точка зрения считалась отступлением от Православия, чуть ли не ересью. Таких взглядов держался поначалу и Никон. Вряд ли можно сомневаться в справедливости слов И. Неронова, впоследствии говорившего Никону: «Мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривал нам: «гречане-де и Малыя России потеряли веру и крепости и добрых нравов нет у них, покой-де и честь тех прельстила, и своим-де нравом работают, а постоянства в них не объявилося и благочестия нимало». Неронов говорит об этом в связи с тем, что Никон потом начал «иноземцев (греков) законоположения хвалить и обычаи тех принимать» и называть греков «благоверными и благочестивыми родителями» [22].

Но одно дело — духовно-нравственное состояние современных Никону греков, другое — богатейшее богословское и литургическое наследие Вселенской греческой Церкви! Разности этой не могли понять многие на Руси, но в целом Русская Церковь поняла. Понял и Никон.

Была своя правда и неправда и в позиции сторонников «Третьего Рима», и в позиции заволжских старцев. Время отсеяло неправды и оставило истину. С падением Византии Россия действительно становилась единственной православной мировой державой — Третьим Римом. И действительно, при этом русское благочестие, несмотря на все отрицательные явления церковной жизни, было достойно всяческого восхищения. Но Русь приняла Православие от греков, так сказать, «в готовом виде». Богословские формулы, литургика Православия были выстраданы Византийской Церковью в процессе тысячелетнего богословско-литургического творчества, острейшей борьбы с множеством ересей. Вот этого богословско-литургического творчества Русь не знала. Это не означает, что церковная жизнь в России была чем-то окостеневшим, лишенным жизненного развития. Нет, наполняемая изнутри благочестием и живой верой, она развивалась; на протяжении веков складывались особые русские церковные обычаи, не противоречившие Уставу, возникали новые праздники, самобытные черты символики и обрядности. Но это был, хотя и не совсем, но в значительной мере стихийный или, лучше сказать, непреднамеренный, естественный процесс. И когда выяснилось, что вместе с этими добрыми и бесспорно благочестивыми чертами русской церковной жизни в нее вкрались нелепости, ошибки, явно противоречившие Уставу и духу Церкви, или обычаи спорные, не получающие единодушного признания, то обнаружилось, что установить верное и отбросить неверное в России очень трудно. «Своим» не верили. Даже соборного определения большинством голосов («за» или «против») для русских людей было недостаточно. Требовался авторитетный беспристрастный богословский разбор, опирающийся на богатство святоотеческого учения и опыта Вселенской Церкви.

Арбитром в таких спорах могла быть только греческая ученость. Таким образом,

говоря упрощенно, если Русь превосходила Восток благочестием, то он, в свою очередь, превосходил ее богословской ученостью. Сложилась прекрасная основа плодотворного общения и взаимообогащения! Русь, впрочем, и по достижении полной церковной самостоятельности не мыслила себя никогда в отрыве от Вселенской Православной Церкви. Это означало бы раскольническую позицию, а раскола Русь чуждалась как самого страшного греха. Но в XVII в. к тому же положение «Третьего Рима» всё чаще стало восприниматься не как основание для превозношения, а как ответственность за судьбу «Рима Второго» — всех древних православных народов, о чем уже было сказано. В этой стадии своего развития идея «Третьего Рима» органически слилась с идеей о необходимости полного церковного единения с православным Востоком, признания учительного авторитета Греческой Церкви, прежде всего — авторитета четырех Вселенских Патриархов в вопросах вероучительных, канонических, литургических. Такая позиция обнаруживала и подчеркивала верность России Вселенскому Православию и чрезвычайно увеличивала духовный авторитет России на православном Востоке.

Так нашли свой исторический синтез и примирение взгляды на Греческую Церковь Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, сторонников и противников идеи «Третьего Рима».

Таким образом, стремление царской власти к религиозному единству с православным Востоком, носившее преимущественно политический характер, целиком совпало с насущными духовными потребностями Русской Церкви. Политическое и духовное, государственное и церковное оказались в неразрывном единстве. Необходимость церковных преобразований стала особенно острой, важнейшей задачей для русского общества.

27 января 1649 г. в Москву прибыл Иерусалимский Патриарх Паисий, который на первом же приеме у государя заявил при всех: «Пресвятая Троица... да умножит Вас превыше всех царей... благополучно сподобит Вас восприяти Вам превысочайший престол великого царя Константина, прадеда Вашего, да освободит народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук... да будеши новый Моисей, да освободиши нас от пленения, якоже он освободил сынов израилевых от фараоновых рук...» [23].

Как бы в ответ на подобные заявления, от царского двора в русское общество шли мысли, достаточно выраженные в печатавшихся книгах. Кириллова книга, изданная при Патриархе Иосифе, утверждала, что четыре Вселенских Патриарха «право и неизменно веру, данную им от святых Апостолов, и их учеников, и седьми Вселенских Соборов, ни в чем не нарушающе, ни отлагая, проповедали и проповедают, держали и держат» [24]. «Книга о вере» (1649 г.) высказывалась еще более определенно: «Святая Восточная в грецех обретенная Церковь правым царским путем... ни направо, ни налево с пути не совращаяся и Горнему Иерусалиму сыны своя препровождает... и ни в чесом установления Спасителя своего и блаженных Его учеников, и святых отец предания, и седми Вселенских Соборов, Духом Святым собранных, Устав не нарушает, не отменяет, и в малейшей части не отступает... аще телесную чувственную, от телесного и чувственного врага неволю терпит, но веру истинную и совесть свою чисту и нескверну... сохраняет. Ничесожь бо турци от веры и от церковных чинов отымают, точию дань грошовую от греков приемлют... И якоже люди Божии, егда в работе египетстей были, веры не отпадоша, и первые христиане, в триста лет в тяжкой неволе будучи, веры не погубиша; тем же образом и нынешнее время в неволе турецкой христиане веру православную целу соблюдают... да заградятся всякая уста глаголющих неправду... на смиренных греков... Русийскому народу Патриарха Вселенского, Архиепископа Константинопольского, слушати и ему подлежати и повиноватися в справах и в науце духовной есть польза, и приобретение велие, спасительное и вечное» [25].

С благословения Патриарха Иосифа были изданы «Шестоднев», «Учительное Евангелие», «Кормчая», в которых говорилось, что они исправлены по греческим книгам и указанию греческих святителей и по книгам «острожския печати», т. е. южнорусским [26].

В 1649 г. в Россию с Украины по вызову властей приехали Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий, Епифаний Славинецкий, устраивая обучение русских людей языкам и наукам, занимаясь исправлением русских книг по греческим, переводами с греческого и собственными сочинениями. С такой же целью боярин Федор Михайлович Ртищев в 1649 г. создает под Москвой Андреевский монастырь, населяя его учеными малороссийскими монахами (до 30 человек), приглашает 12 киевских певчих, которые заводят в Москве пение по киевским распевам, обучая тому же и русских хористов. Кроме того, Ртищев отправляет нескольких молодых москвичей на учебу в Киев [27]. В Россию приезжает множество восточного и киевского духовенства.

Дело исправления русских книг и обрядов в пользу греческих идет полным ходом задолго до того, как Никон становится Патриархом. Для большего успеха этого дела в 1649 г. на Восток посылается старец Троице-Сергиевой Лавры Арсений Суханов с целью сбора древних книг и рукописей.

В 1652 г., еще при жизни Патриарха Иосифа, им самим было сделано распоряжение поминать на многолетиях по всем церквам четырех восточных Патриархов [28], что означало публичное признание единства Русской Церкви с Восточной Церковью и признание греческих Патриархов православными. Отсюда с неизбежностью следовал вывод, что их авторитет в вопросах церковной жизни не подлежит сомнению.

Параллельно с этим идет дело общего оздоровления церковной и духовно-нравственной жизни России. При содействии о. Стефана и царя на архиерейские кафедры и видные протоиерейские места поставляются примерные и деятельные пастыри, стремящиеся к водворению подлинного благочестия во всех областях жизни, а наипаче — в богослужении. Возрождается живая устная проповедь, отменяется хомовое пение, упраздняется не без борьбы многогласие [29]. Алексей Михайлович и о. Стефан приобщили к себе плеяду людей, составивших, по выражению проф. Н. Ф. Каптерева, «кружок ревнителей благочестия». В него входили боярин Федор Михайлович Ртищев и его сестра Анна, много сделавшие для привлечения южнорусской, киевской учености в церковную жизнь России, и ряд духовных лиц: протоиерей московского Казанского храма Иоанн Неронов — деятельный проповедник, имевший большой успех в обществе, протоиерей Аввакум, поставленный настоятелем собора в г. Юрьевце-Польском, протоиерей Даниил из Костромы, протоиерей Логгин из Мурома и другие. Эти люди пользовались расположением царя и большим влиянием в обществе. Они постоянно участвовали в решении важных церковных дел, свободно входили к Патриарху, предлагая ему свои советы и пожелания, писали обличительные и нравоучительные письма архиереям. Дом Федора Ртищева сделался центром, где все ревнители благочестия часто встречались друг с другом, спорили, делились мнениями, где можно было, не боясь, говорить всё, что на душе.

В этот же дом, в атмосферу этих споров и деяний вошел и архимандрит Никон, быстро сделавшийся одним из самых видных и авторитетных ревнителей. Все они стояли за улучшение духовной и церковной жизни, но в отношении к авторитету греческой Церкви резко разделялись на две группы. Ртищев и его сестра придерживались взглядов царя и о. Стефана о необходимости единения с греческой Церковью и обращения с этой целью к греческой учености. Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин, напротив, полагали, что для улучшения церковной и духовной жизни в России достаточно лишь исправления нравов, отмены многоголосия, введения живой проповеди и некоторых книжных исправлений по древним русским же книгам и рукописям. Греческую православную ученость и практику тогдашней Греческой Церкви они решительно отвергали на том единственном основании, что современные греки представлялись им крайне неблагочестивыми людьми (много едят, нет у них смирения, неправильно или небрежно крестятся и т. д.). По мнению этой части ревнителей, не русские отступили от древних обрядов, а греки, и оттого образовалось несогласие в книгах и церковной практике между Русской и Восточной греческой Церквами. Исключение здесь представлял один Неронов, который все же признавал авторитет Вселенских Патриархов и допускал возможность исправления греческими учеными наших книг, но только после тщательного испытания этих греков на благочестие.

По своим прежним представлениям будущий Патриарх Никон поначалу примыкал к этой части ревнителей. Однако, встретившись с противоположными точками зрения, он в силу своей врожденной пытливости и стремления разбираться во всем до конца дал себе труд вникнуть в суть вопросов поглубже. С огромным вниманием Никон вел беседы с такими людьми, как Иерусалимский Патриарх Паисий (бывший в Москве в 1649 г.), митрополит Назаретский Гавриил (прибывший в Москву в 1650 г. по поручению Паисия специально для убеждения Никона), митрополит Навпакта и Арты Гавриил Власий, посланный в Россию с единственной миссией убедить русских в православности и учености греков, киевские ученые монахи, особенно Епифаний Славинецкий [30].

Общение с этими людьми решило идейный выбор Никона. Он стал склоняться к признанию авторитета Греческой Церкви. Патриарх Паисий после беседы с Никоном направил через Посольский приказ письмо государю, в котором писал: «...в прошлые дни говорил есми со преподобным архимандритом Спасским Никоном, и полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж (т. е. в данном случае — любящий проводить досуг в серьезных духовных беседах.— *Прот. Л.*) и верный царствия вашего; прошу, да будет иметь повольно приходити к нам и беседовати по досугу, без запрещения великого вашего царствия» [31]. Запрещения, очевидно, не последовало. Алексей Михайлович был явно рад тому, что беседа его «собинного друга»

«полюбилась» Иерусалимскому Патриарху. Это утверждало царя и о. Стефана в правильности их оценки Никона.

По словам самого Никона, Патриарх Паисий в этих беседах «зазирал» его «за разные церковные вины» и в том числе за неправильное двуперстное крестное знамение, настаивая на троеперстии [32].

Таким образом, уже в 1649 г., в конце своего настоятельства в Новоспасском монастыре, Никон понял указанный выше характер взаимоотношений России с Греческой Церковью, понял и необходимость церковных преобразований для приведения русской литургической практики в соответствие с греческой, согласился на троеперстие. В противном случае вряд ли, узнав о поставлении Никона в митрополиты, Патриарх Паисий написал бы государю: «Похваляем благодать, что просвети вас Дух Святый и избрали есте такого честнóго мужа, преподобного инокосвященника и архимандрита господина Никона... и он есть достоин утверждати Церковь Христову и пасти словесныя овцы Христовы».

В 1649 г. по крайней слабости здоровья просил об уходе на покой Новгородский митрополит Аффоний, некогда поставивший Никона во игумена Кожеозерской обители. Единодушным решением царя, его синклита, Патриарха Иосифа, собора архиереев и кружка «ревнителей» на виднейшую в России Новгородскую кафедру был избран архимандрит Никон и 11 марта 1649 г. возведен в сан митрополита. Архиерейскую хиротонию совершил Патриарх Иосиф с митрополитами Варлаамом Ростовским, Серапионом Сарским, архиепископами Маркеллом Вологодским, Моисеем Рязанским, Ионой Тверским и епископом Рафаилом Коломенским [33].

Архиерейский сан не изменил строгого подвижнического образа жизни Никона, придав ему только еще больше сил в деяниях на благо Церкви. Совершая частые богослужения, отличавшиеся чинностью и благолепием, Никон с увлечением проповедовал, что привлекало в храм множество народа (живая проповедь была в те времена еще очень необычным явлением). Он построил в Новгороде митрополичьи палаты, четыре новые богадельни для сирот, испросив им ежегодное царское пособие, в трудные времена старался помогать горожанам, чем мог. В его митрополичьем доме была открыта «погребная» палата, где в период голода ежедневно кормились от ста до трехсот и более человек [34]. Однако новгородцы не сразу прониклись любовью к новому Владыке. В связи с повышением цен на хлеб в неурожайном 1650 году и попыткой правительства, несмотря на это, вывезти из псково-новгородских земель значительные партии хлеба в Швецию в Пскове и Новгороде вспыхнули восстания [35]. Митрополит Никон пытался воздействовать на возмутившихся новгородцев проклятием зачинщиков и словом увещания, но это не помогло. Более того, 19 марта толпа ворвалась к Никону на Софийский двор. Митрополита ударили ослопом в грудь, серьезно ранив его, потом били кулаками и, израненного, потащили в земскую избу. От побоев Никон не мог идти и упросил новгородцев отпустить его, так как ему предстояло служить обедню. Его отпустили. Через несколько дней он оправился и продолжал уговаривать возмутившихся прекратить бунт, тайно посылал вести царю о положении дел, заступался за новгородцев, прося одних простить, другим смягчить наказания, и своими осторожными и мудрыми действиями не только способствовал благополучному исходу всего дела, но и избавил от суровых кар множество людей, которые только теперь оценили своего архипастыря. Особым письмом к царю Никон содействовал также тому, что и бунт во Пскове не повлек за собой массовых репрессий и кровопролитий [36]. Все это привело Алексея Михайловича в подлинное восхищение своим «собинным другом».

Каждую зиму по вызову царя святитель Никон приезжал в Москву, живя здесь по нескольку месяцев, принимал участие в общецерковных делах. Никон понимал, что должен с великой ответственностью воспользоваться любовью царя во благо Церкви и Родины. В этот период возникло решение перевезти в Успенский собор Кремля мощи трех Московских святителей: первого русского Патриарха Иова — из Старицы, святого Митрополита Филиппа — из Соловецкого монастыря и Патриарха Гермогена — из Чудова монастыря. При этом совершенно особое значение и невиданный характер приобрело перевезение мощей святого Филиппа, за которое взялся сам митрополит Никон. Святитель Филипп, как известно, был убит по приказу царя Ивана Грозного за обличение царских беззаконий и жестокостей. Это было первым и самым серьезным конфликтом между самодержцем и Главой Церкви в России, где проявилось притязание царской власти на безудержное самоуправство и полное отрицание церковного авторитета. Возносимый к вершинам святительской власти, Никон очень серьезно размышлял об отношениях Церкви с самодержавием. Он глубоко почитал Митрополита Филиппа. Его страдание за правду, за должный духовный авторитет Церкви в русском обществе стало для Никона образцом и примером. Теперь было крайне важно, чтобы личная любовь между Никоном и царем сделалась основой проч-

ного единения Церкви и государства и чтобы это было явлено всему русскому народу. Самым удобным случаем для проявления духовного почтения царской власти к церковной могло стать публичное изъявление сыновней любви царя не к Никону, а к пострадавшему святителю Филиппу. Никон отыскал в книгах рассказ о том, как император Феодосий, посылая за мощами святого Иоанна Златоуста, обращался к давно почившему святителю с покаянной грамотой, прося в ней прощение за свою мать, гнавшую святого. По предложению Никона Алексей Михайлович написал в таком же духе послание Митрополиту Филиппу[37]. В этой грамоте царь приносил покаяние за прадеда своего Ивана Васильевича, признавал его вину в «нерассудности, зависти и несдержанной ярости» и изъявил свое почтение к мученику-митрополиту в таких выражениях: «Преклоняю пред тобою сан мой царский за согрешившаго против тебя, да отпустишь ему согрешение его своим к нам пришествием, и да упразднится поношение, которое лежит на нем, за изгнание тебя. Молю тебя о сем, о священная глава, и преклоняю честь моего царства пред твоими честными мощами, повергаю на умоление тебя всю мою власть...»[38]. Восстанавливались надлежащие отношения между Церковью и царской властью. В общественном сознании залечивалась рана, почти сто лет не получавшая врачевания.

Никон отправился за мощами Митрополита Филиппа с большой свитой. Он прочел царскую грамоту над его гробом в Соловецком монастыре, вывез мощи на материк и направился с ними в Москву. В это время, 15 апреля 1652 г., в Великий четверг, скончался Патриарх Иосиф. С телом всероссийского святителя Филиппа к столице приближался будущий всероссийский святитель Никон. Избрание его на престол было уже предрешено, по крайней мере, в ближайшем к царю окружении.

НИКОН — ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«Манием дивным даде ему Бог стражу стада,
Постави его пастыря всего си града,
Архиерея России всей преименита,
Отца Святейша, всем концам знаменита».
(Эпитафия Никону)

Необходимость выбора нового Патриарха очень взволновала «ревнителей благочестия». Сперва они предложили на этот высокий пост духовника царя о. Стефана Вонифатьева. Но Стефан отказался и предложил Никона (ведь именно на Никона возлагал сам о. Стефан особые надежды). Тогда «ревнители», в том числе протопереи Иоанн Неронов, Аввакум, Лазарь, Даниил и прочие, написали царю и подписали челобитную с просьбой поставить Патриархом митрополита Никона[39].

В Москве собрался представительный собор архиереев и духовенства, которому были предложены 12 имен кандидатов в Патриархи, чтобы избрать из них одного — достойнейшего. Собор указал митрополита Никона. 22 июля 1652 г. царь, бояре и духовенство отслужили в Успенском соборе молебен Святой Троице, Богородице (с акафистом), Бесплотным Силам, апостолам, Московским чудотворцам — святителям Петру, Алексию, Ионе и Филиппу. После молебна послали нескольких архиереев и высоких сановников на новгородское подворье, где находился митрополит, с приглашением прибыть в Успенский собор.

Но тут произошло непредвиденное. Никон решительно отказался. За ним посылали несколько раз и всё безуспешно. Наконец, царь распорядился привести святителя против его воли. Растерявшийся Алексей Михайлович и весь собор у раки Митрополита Филиппа начали уговаривать Никона. Он категорически отказывался, ссылаясь на свое неразумие и неспособность к великому служению. В напрасных мольбах прошло так много времени, что стало вполне очевидным, что Никон отнюдь не «смиренничает», а в самом деле с твердой решимостью отрекается от предлагаемой чести. Все планы царя и о. Стефана рушились. Тогда Алексей Михайлович упал на землю и заплакал. За ним повалились архиереи, бояре, народ, плач пошел по всей церкви. Этого святитель Никон не мог выдержать. Вспомнив, что сердце царя, по Писанию, «в руце Божии», он обратился с речью ко всем присутствующим. Никон сказал, что хотя мы и приняли от православной Греции истинную веру, «но на деле не исполняем ни заповедей евангельских, ни правил святых апостолов и святых отцов, ни законов благочестивых царей греческих». «Если вам угодно, чтобы я был у вас Патриархом, — предложил Никон, — дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом и Спасителем нашим и пред Его Пресвятой Матерью, ангелами и всеми святыми, что вы будете содержать евангельские догматы

и соблюдать правила святых апостолов и святых отцов и законы благочестивых царей. Если обещаете слушаться и меня, как вашего главного архипастыря и отца, во всем, что буду возвещать вам о догматах Божних и о правилах (по С. М. Соловьеву — «и дадите мне Церковь устроить»), в таком случае я, по вашему желанию и прошению, не буду больше отрекаться от великого архиерейства».

Царь, бояре, епископы, духовенство и народ пред Евангелием и иконами принесли обет исполнить всё, что предложил Никон. После этого святитель изрек свое согласие. 25 июля он был посвящен в Патриарха Московского и всея Руси собором архиереев во главе с митрополитом Казанским Корнилием в присутствии царя и множества народа в том же Успенском соборе Кремля [40].

Условие всеобщего себе послушания в делах веры, поставленное Никоном, — явление необычное и требует объяснений. Прежде всего, следует вспомнить, что Никон — воспитанник русского монастыря, и его психология — это психология монастырская. Он смотрел на Патриаршество как на игуменство в большом монастыре. А монастырская жизнь — это, главным образом, послушание, подвиг добровольного отречения своей воли в пользу игумена, который вовсе не тиран и властитель (в мирском смысле), а отец, пекущийся о душевном спасении своих чад. Такого послушания себе как отцу и всероссийскому игумену и потребовал Никон. Иначе он не мог и не хотел мыслить своего Патриаршества.

Такой взгляд на вещи имел глубокое основание в жизненном укладе и мировосприятии людей России того времени. В основе русской духовной жизни лежали Священное Писание, Типикон, сочинения отцов Церкви и жития святых. Содержанием этих книг, самим духом традиционного Православия и определялась жизнь всего общества. Любое земное общество человеческое далеко не однородно. В нем всегда есть и отпетые грешники, и люди «половинчатые», подверженные отчасти греху, отчасти добродетелям, и, наконец, — люди святые. Русское общество было достаточно богато явлениями как отрицательного, так и положительного характера. И все же можно говорить о господствующем «духе общества» и судить о нем по тем духовно-нравственным идеалам, которые являются общепризнанными. В народных массах святых людей так же мало, как золота в массах земли, но оттого-то и велика их духовная ценность и притягательная сила примера! Но вопрос о том, *кого* общество почитает святыми, перед *каким* образом жизни оно преклоняется? Россия середины XVII в. более всего чтила монахов-подвижников и Христа ради юродивых. Всецелое отречение от страстей и суеты мира сего признавались всеми самым верным и лучшим образом жизни во Христе. Благочестивые русские люди на смертном одре стремились принять монашество и даже великую схиму. Не все могли стать иноками в полном смысле этого слова, но все должны были быть подвижниками,— таково было общее убеждение. Даже люди, погрязшие, казалось бы, в самой глубине грубейших страстей, знали, что они совершают грех, и перед подлинной христианской святостью испытывали истинное благоговение. Павел Алеппский, наблюдавший в это время Россию церковную за богослужением и молитвой, рисует поразительно светлый лик русского Православия, сообщает яркие примеры народного благочестия, необычайной любви народа к Церкви. «Монахи подражают ангелам, а мирские должны подражать монахам» — эти слова Иоанна Лествичника можно считать девизом русского общества середины XVII в. Монашеский в основе своей Устав церковной жизни и службы не знал различий между монастырем и обычным приходом, был одинаково обязателен для всех. Сердечная привязанность русских людей к своей вере и Церкви являлась могучим источником народного патриотизма.

С этой точки зрения, Россия в самом деле была чем-то вроде огромного монастыря со своими писанными и неписанными уставами, духовными традициями и обычаями. «Свой монастырь» старались ревниво ограждать от всех чуждых влияний, особенно от западных. В настоятельство этим «монастырем» и вступал теперь Патриарх Никон, и поэтому его требования при избрании на Патриаршество были всеми поняты и у современников его не вызывали недоумений.

Не следует, повторяем, идеализировать духовное состояние общества того времени. Потому Никон и взял у России обещание в послушании, что прекрасно понимал и знал, что в обществе, как, впрочем, и в монастыре, далеко не все благочестивы и послушны. Это относилось в особенности к высшему сословию. Когда Никон, еще будучи митрополитом, ездил за мощами святого Филиппа, в его свите находились некоторые царские сановники, в том числе князь Иван Хованский, который написал царю слезную жалобу, говоря, что он совсем «пропал» и «пропасть» его состояла в том, что Никон заставил его присутствовать ежедневно на молитвенном правиле. Алексей Михайлович по этому поводу сообщает Никону: «да и у нас перешептывали на меня: никогда-де такого бесчестия не было, что теперь государь нас выдал митрополитам». Царь «молит» Никона, чтобы он освободил Хованского от молитвы, за-

мечая при этом: «добро, государь, учить премудра, премудрее будет, а безумному — мозолие ему есть...» Царь пишет далее, чтобы Никон не говорил князю, что узнал о его жалобах от царя, но сказал бы, что ему «от других» стало известно об этом [41]. Павел Алеппский рассказывает, как однажды Алексей Михайлович приказал при всем народе бросить в Москву-реку нескольких бояр, не явившихся к воскресной литургии, приговаривая: «Вот вам награда за то, что вы предпочли спать со своими женами в утро этого благословенного дня» [42].

Именно в высшем сословии находило себе страстных поклонников влияние Запада, заползавшее в Россию через «немецкую слободу» в Москве, гостиные дворы и лавки иностранцев в других крупных городах [43].

Так что прежде всего от придворной знати (для которой послушание духовному лицу казалось «бесчестием») мог ожидать Никон противодействия своей патриаршей власти. Эта знать была важнейшим звеном системы государственного управления страны. Во главе системы стоял царь. Патриарх — и царь... Церковь — и государство. Два начала в одном православном обществе... Это как дух и плоть в одном существе человека. При общей греховной поврежденности определенная борьба между ними неизбежна. В России за всю ее многовековую историю был известен только один серьезный конфликт между Церковью и монархией при Иване Грозном. После Смутного времени особым Промыслом Божиим обществу был указан образ отношений монархии и Церкви: царем был избран Михаил Федорович, а Патриархом оказался его родной отец — Филарет (Федор) Романов... Если любовь и согласие царя Михаила и Патриарха Филарета основывались на кровном, плотском родстве, то отношения Алексея Михайловича и Патриарха Никона восходили на новую, высшую ступень, становясь союзом духовной любви, родства во Христе. Большего и лучшего и быть не могло! В то же время это было и самым естественным и здоровым для христианского общества, где многое строилось не только (и не столько) на законе, сколько на духе подлинной семейной любви и братства. Можно сказать, что неразрывное, хотя и несмешиваемое, единство государственной и церковной власти составляло естественную основу общественной жизни Руси. Духовное главенство при этом, конечно, принадлежало Церкви, но оно было именно духовным и никогда не превращалось в главенство политическое. В свою очередь и царь (за исключением Ивана Грозного) никогда не использовал своей политической самодержавности для самоуправства по отношению к Церкви, так как конечный смысл жизни всего русского общества в целом, включая царя, состоял в том, чтобы в Церкви и через Церковь обретать временное и вечное единение с Богом. При тогдашних системах управления личные отношения царя и Патриарха в значительной мере с неизбежностью превращались в отношения государства и Церкви. О личных отношениях Патриарха Никона и Алексея Михайловича Шушерин пишет так: «Между же оными любовь тако велика бысть, яко едва когда и на малое время в Российском царстве между царей и святейших Патриархов бяше, оною же не точию все Российское царство радовашеся, но и многия окрестныя царствия слышавше удивляхуся» [44].

Вместе с тем, что касается управления церковными делами, то для XVII в. характерна подчиненность их и государственным, и церковным инстанциям, так что можно определенно говорить о двуедином (церковно-государственном) управлении Русской Церковью. При этом мера и характер государственного участия в церковном управлении не были определены, изменились, не имели строго очерченных границ, во многом зависели от произвола государей [45].

Первейшей задачей Никона явилось поэтому всемерное обеспечение должного приоритета церковной власти в делах Церкви. Между Никоном и Алексеем Михайловичем с самого начала была достигнута по этому вопросу договоренность, и, как полагают, даже закрепленная особой грамотой [46], согласно которой царь предоставлял Патриарху полную самостоятельность в управлении Церковью, т. е. всеми богослужебными делами, назначением и перемещением духовенства, судом по чисто духовным делам. Церковные владения и денежные средства считались общенациональным достоянием. В случае особой нужды (например, войны) царь мог безвозмездно взять столько церковных средств, сколько было нужно. Власти епархий и монастырей могли расходовать лишь строго определенные деньги на текущие нужды. Все непредвиденные и крупные расходы делались только по разрешению царя. Во всех монастырях и епархиальных управлениях постоянно находились государственные чиновники, под бдительным контролем которых были церковные имения и средства. Они же судили церковных крестьян и других людей по гражданским и уголовным делам. Особый «Монастырский приказ» в Москве, согласно Уложению 1649 г., ведал всем духовенством, кроме Патриарха, по гражданским и уголовным делам. Хотя Никон в 1649 г. вместе со всеми поставил свою подпись под Уложением, он внутренне не был с ним согласен, а, сделавшись Патриархом, заявил об этом открыто. Больше всего его

Святейший Никон,
Патриарх Московский и всея Руси

возмущало, что светские лица — бояре Монастырского приказа — имели право судить по гражданским искам духовных лиц. Он считал это положение в корне нецерковным и нехристианским. Еще в бытность Никона митрополитом Новгородским царь, знавший его взгляды, дал ему «несудимую грамоту» на всю митрополию, согласно чему из ведения Монастырского приказа на суд митрополита передавались все дела подчиненных Церкви людей, кроме дел «убийственных, татных и разбойных». Став Патриархом, Никон оформил такую же неподсудность Монастырскому приказу своей патриаршей епархии (в то время Патриарх, как и все правящие архиереи, имел свою особую епархию, состоящую из Москвы и обширных прилегающих земель). Как бы в противовес Уложению 1649 г. Никон издал «Кормчую книгу», содержащую святые каноны Церкви и различные узаконения о Церкви древних благочестивых греческих царей. Как мы увидим, до конца своего Патриаршества Никон не переставал бороться *против Монастырского приказа.* Следует отметить, что это была борьба не за полную «свободу» Церкви от государства (чего в России того времени и быть не могло), а лишь за восстановление должного канонического авторитета Патриарха и всего духовенства в делах сугубо духовных, а также за некоторое допустимое условиями России расширение прав церковной власти над подчиненными людьми по гражданским делам.

Свою патриаршую деятельность Никон начал всесторонним улучшением церковной жизни. Прежде всего, он поднял на должную высоту чинность, благолепие, учительность и молитвенность богослужения[47]. Он сам служил все воскресные, праздничные службы и службы всем особо чтимым святым. В будни он непременно бывал в храмах за Божественной литургией. Он ввел в обиход церквей строгую уставность, неспешность, обязательную устную проповедь. Никон полностью искоренил в Церкви многоголосицу. Было упразднено также и уродливое «хомовое» пение. Вместо этого в храмах зазвучали стройные греческие и мелодичные киевские распевы.

Патриарх Никон служил очень спокойно, сосредоточенно, произносил возгласы приятным, низким и тихим голосом, часто проповедовал. Проповеди его отличались красноречием, содержали много образов и примеров из Священного Писания и Предания, сочинений святых отцов, житий святых, священной и гражданской истории, были глубоки по мысли, пространны и часто произносились в состоянии высокого духовного подъема. Историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) утверждает, что в то время среди архиереев не было равного святителю Никону в слове[48].

Патриарх Никон любил храм и богослужение всей душой. Он вполне разделял общее представление о храме как образе Царства Небесного, и о священнослужителях как образах Христа Спасителя и ангелов Его, пребывающих во славе Горнего мира. Поэтому, будучи в личной жизни строгим подвижником и очень скромным в одеждах, Патриарх за богослужением считал необходимым по возможности самые красивые и драгоценные облачения для духовенства. Его ризы отличались необычайным великолепием. У Патриарха Никона это было не просто пристрастием к внешней красоте, но проистекало из глубокого убеждения в том, что Церковь земная должна являть людям в видимых вещественных образах дивную красоту и славу Церкви Небесной, Иерусалима Нового. Ибо возведение людей к Горнему миру, к жизни в Царствии Небесном — основная задача Православной Церкви. Здесь сказывалось и символическое восприятие церковных вещей, как содержащих в себе таинственное присутствие того, что ими изображается.

Пример патриарших богослужений был быстро воспринят всей Русской Церковью, так что чинность, неспешность, благолепие и учительность службы скоро сделались общепризнанной нормой, отступления от которой и по сей день считаются грехом. Здесь Никон действовал не только примером, но и специальными письменными и устными распоряжениями.

Предметом его особой заботы явились ставленники. В устроенном для них особом «приказе» ищущие рукоположения, числом обычно до 30—40 человек, с трепетом готовились к своеобразному экзамену, который Патриарх устраивал для них. Он сам подходил к каждому ставленнику и предлагал прочесть из раскрытой книги какой-либо богослужебный текст. Если ставленник читал достаточно свободно и осмысленно, Никон ставил против его имени в списке пометку «достоин», а если чтение не удавалось, кандидата отправляли домой ни с чем. Все ставленники должны были иметь при себе ходатайство прихожан своей церкви и рекомендации духовных лиц и государственных чиновников той местности, из которой они прибыли. При облачении рукополагаемого в священные одежды Патриарх сам истолковывал духовный смысл молитв на облачение каждой одежды так, чтобы новопосвященный хорошо запомнил их символическое значение. Каждому рукоположенному давалась ставленническая грамота с печатью и подписью Патриарха. Рукоположения происходили за

каждой обедней, которую служил святитель, даже за литургией Преждеосвященных Даров и за Пасхальной литургией [49].

Патриарх делал очень многое для поднятия на должную высоту авторитета русского духовного сословия. Павел Алеппский свидетельствует об огромном уважении в обществе даже к рядовым священникам. «Воеводы и власти равным образом уважают и почитают их и, как нам приходилось видеть, снимают перед ними свои колпаки... Когда священник идет по улице, то люди спешат к нему с поклоном для получения благословения» [50]. Перед архиереем воеводы стояли с непокрытыми головами, не смея сесть даже по приглашению [51]. Особым указом Патриарх Никон вменял в обязанность священникам и диаконам воспитывать своих сыновей так, чтобы они непременно становились священнослужителями, не унижая чести духовного сословия переходом в сферу мирских занятий. Впоследствии Собор 1666—1667 гг. придал этому распоряжению силу закона [52]. Все священники, диаконы и даже их жены носили особые одежды, по которым их можно было отличить [53]. Тем паче монахи всегда должны были ходить в своих одеждах, клобуках и мантиях. Монахов, которые дерзали появляться в городе без мантии, ссылали «в сибирские страны ловить соболей». Архиерея никто из мирян не должен был видеть иначе, как только в архиерейской мантии [54].

Русские священники в большинстве своем были истинными пастырями, душу свою полагавшими за други своя, делившими с народом и радость, и горе. Тот же очевидец Павел Алеппский, описывая ужасы губительной эпидемии в 1654 г. в Коломне и окру́ге, сообщает о подлинно героическом поведении священнослужителей, до конца оставшихся с паствой. Кроме того, что они постоянно совершали обычные службы, они днем и ночью находились в храмах, исповедуя и причащая привозимых туда умирающих людей. Никто из духовенства не уехал из пораженных эпидемией мест. Почти все священнослужители Коломны и окрестностей умерли. Храмы долгое время стояли без службы... [55]

Такого высокого духовно-нравственного состояния духовенства Патриарх Никон достиг поощрением ревностных пастырей, рукоположением только достойных и строгими наказаниями нерадивых и распущенных. Вот что пишет об этом Павел Алеппский: «От того Бог отступился и тот навлек на себя Его гнев, кто совершил проступок или провинился перед Патриархом: пьянствовал или был ленив в молитве, ибо такового Патриарх немедленно ссылает в заточение. В прежнее время сибирские монастыри были пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами. Если священник провинился, Патриарх тут же снимает с него колпак: это значит, что он лишен священнического сана. Бывает, что он сам сжалится над ним и простит его, но ходатайства ни за кого не принимает, и, кроме царя, никто не осмелится явиться пред ним заступником» [56]. Но Алексей Михайлович решался заступиться далеко не часто. Павел Алеппский наблюдал очень знаменательный случай. В Саввино-Сторожевском монастыре царю бил челом один греческий диакон, которого святитель Никон сослал в этот монастырь с запрещением в служении. Диакон просил царя, чтобы ему разрешили служить. Царь ответил: «Боюсь, что Патриарх Никон отдаст мне свой посох и скажет: возьми его и паси монахов и священников; я не прекословлю твоей власти над вельможами и народом, зачем же ты ставишь мне препятствия по отношению к монахам и священникам?» [57].

Патриарх, по выражению Павла Алеппского, «дошел даже до того, что отставил от должности келаря Святой Троицы», который брал взятки с богатых ратников Сергиевой Лавры, чтобы им не идти на войну, и посылал вместо них бедных. Келарь Троице-Сергиева монастыря был очень видным лицом в Церкви и государстве. Можно поэтому представить, какой общественный резонанс получило это дело. Виновного сослали в отдаленный монастырь, а вместо него был поставлен Арсений (Суханов) [58].

Патриарх Никон с согласия Алексея Михайловича ввел очень строгий надзор и за нравственным состоянием населения. При Никоне накануне Великого поста запечатывались все питейные заведения и лавки, где продавали спиртное, и оставались закрытыми весь пост и Светлую седмицу до понедельника, после Фомина воскресенья. Точно так же поступали и в другие посты, накануне воскресных дней и великих праздников. Церковные празднества должны были проходить в чистоте и радости духовной [59].

Несмотря на внешнюю суровость мер к нарушителям церковного благочиния, Никон отличался подлинным и глубоким человеколюбием. Став Патриархом, он не переставал принимать от народа челобитные и добиваться у царя быстрых и справедливых решений по ним. На праздничных патриарших трапезах, как правило, накрывался стол для нищих, слепых, увечных, бездомных людей. Многих из них (кто не мог есть сам) Никон кормил собственноручно, а затем обходил этих людей, «умывая их, вытирая и лобызая их ноги» [60]. Никон вообще очень заботился о нищих и

бедных. Нелицемерная его любовь к народу была широко известна. Павел Алеппский свидетельствует, что они «слышали и видели от всех воевод, от других вельмож, священников и всех вообще московитов благожелания, хвалы, благодарения и большую веру их к Патриарху, имя которого не сходит у них с языка, так что они, кажется, любят его, как Христа» [61].

В российских условиях очень многое в работе церковно-государственного управления церковными делами зависело от того, насколько сильным и авторитетным было положение Главы Церкви — Патриарха. Поэтому всемерное укрепление патриаршего достоинства явилось у святителя Никона естественной составной частью всех деяний по укреплению авторитета Русской Церкви.

Хорошо зная, в каком скованном, слабом, а порой и униженном положении перед сильными мира находился его предшественник Патриарх Иосиф, Никон прежде всего дал понять и почувствовать, что Патриарх — не только человек, но как Глава и Предстоятель великой Поместной Церкви есть лицо, облеченное особой Божественной благодатью и властью и поэтому требующее к себе самого благоговейного отношения. Первыми это ощутили представители высшего сословия — царские князья и бояре. Павел Алеппский пишет: «Бояре прежде входили к Патриарху без доклада привратников; он выходил к ним навстречу и при уходе шел их провожать. Теперь же, как мы видели собственными глазами, министры царя и его приближенные сидят долгое время у наружных дверей, пока Никон не дозволит им войти: они входят с чрезвычайной робостью и страхом, причем до самого окончания своего дела стоят на ногах, а когда затем уходят, Никон продолжает сидеть» [62].

На должную дистанцию святитель Никон сразу же поставил и своих прежних друзей — ревнителей благочестия. Привыкшие запросто входить к Патриарху Иосифу, спорить с ним, вмешиваться в управление Церковью, принимать самое деятельное участие в важнейших церковных делах протопереи Неронов, Аввакум, Логгин, Даниил и другие были убеждены, что при Никоне их влияние еще более увеличится. Можно представить себе, как они были уязвлены, когда святитель Никон не только прекратил советоваться с ними, но и не стал пускать их к себе «в крестовую», на что они многократно потом жаловались с подкупающей откровенностью. Люди, привыкшие вершить важные церковные дела, теперь уже не могли смириться с положением простых приходских священников... В этом первый толчок, зародыш и источник будущего раскола [63]. Неронов впоследствии упрекал Никона: «Прежде ты имел совет с протопопом Стефаном и его любимыми советниками...» Наиболее определенно о взглядах раскольников на сущность их конфликта с Никоном высказывался игумен Феоктист в письме к Стефану Вонифатьеву, где он писал, что противники Никона желали бы о. Стефана иметь Патриархом вместо Никона, потому что о. Стефан будет строить мир Церкви, «внимая прилежно отца Иоанна (Неронова) глаголам» [64]. Впоследствии старообрядство обусловилось и другими причинами и побуждениями. Но необходимо отметить, что самое начало оказалось заключено ни в чем ином, как в уязвленной гордости человеческой.

Патриарх Никон правил Церковью не только властно, но и в высшей степени мудро и умело. Теперь в полной мере обнаруживалось в этом замечательном человеке редкостное сочетание высокой монашеской духовности с большим даром деятеля крупного государственного масштаба.

Никон много содействовал тому, чтобы склонить царя на объявление освободительной войны Польше за воссоединение Украины с Россией. 23 октября 1653 г. в Успенском соборе Кремля Алексей Михайлович в торжественной речи к боярам и народу произнес: «Мы, великий государь и великий князь.., советовав с отцом своим и богомольцем, *великим государем*, Святейшим Никоном, Патриархом Московским и всея Руси... приговорить изволили идти против недруга своего Польского короля» [65]. Так впервые (по крайней мере всенародно) прозвучал этот необычный титул Патриарха Никона. С того времени по инициативе самого Алексея Михайловича святитель стал именоваться всюду, кроме богослужения, не «великим господином», как принято было для Патриархов, а «великим государем», одинаково с царем.

В мае 1654 г. Алексей Михайлович во главе русских войск отправился на войну с Польшей. Патриарх Никон оказался единственным человеком, которому царь вполне доверил не только свою семью, но и все государство. Хотя царь и в походе продолжал решать сам важнейшие государственные проблемы, но почти все текущие дела были переданы Никону. Патриарх правил Россией фактически единолично в течение двух лет, организуя снабжение армии всем необходимым за церковный счет. Павел Алеппский свидетельствует: «Сколько тысяч войска и миллионов расхода потребовалось, и царь лично участвует в походе, который длится уже два года, а еще не открыли ни одного из (государственных) казнохранилищ, но всё получают от архиереев, монастырей и других» [66]. В 1655 г. святитель Никон рассказывал Антиохийско-

му Патриарху Макарию: «Я дал ему (царю) десять тысяч ратников. От монастырей... и от архиереев дано столько же, от каждого сообразно с его средствами, с его угодьями и доходами; даже из самых малых монастырей царь взял по одному человеку с вооружением и лошадью, припасами и деньгами на расход, ибо все монастыри пользуются щедротами царя и пожалованными им угодьями, пока не наступит нужда, как ныне» [67]. Эти слова Патриарха Никона ярко характеризуют отношение к церковным средствам Главы Церкви и всего русского общества того времени.

В этот период Никону пришлось решать множество дипломатических, торговых, административных и других важнейших государственных дел. Ни одно из них не пострадало. Царские чиновники трепетали теперь перед Патриархом не только потому, что он пользовался особым расположением царя, но и потому, что чувствовали его явное деловое превосходство. Князь Михаил Пронский, три князя Хилковы, князь Василий Ромодановский, которым было поручено управление Москвой, в ответ на распоряжения Никона обращались к нему весьма примечательно: «Великому государю, Святейшему Никону, Патриарху Московскому и всея Великия и Малыя России, *Мишка Пронский с товарищи челом бьют...*» [68].

В июле 1654 г. Россию постигло страшное бедствие — «моровое поветрие», как его называли (может быть, эпидемия чумы или иной смертоносной болезни). В Москве вымерло подавляющее большинство населения. Ко всем заботам Никона прибавилось спасение царской семьи, с чем он также прекрасно справился. В начале 1655 г. эпидемия прекратилась, и в столицу вернулись сначала Патриарх Никон с царской семьей, а затем и Алексей Михайлович. Во второе воскресенье Великого поста того же года в Кремле состоялись торжественные проводы царя, отправлявшегося снова в поход. Это событие очень красочно и подробно описано Павлом Алеппским. Одна из картин проводов содержит, по выражению историка Церкви митрополита Макария (Булгакова), «драгоценные сведения о тогдашнем значении и могуществе Патриарха Никона» [69]. Очевидец пишет: «Затем Патриарх Никон стал перед царем и возвысил свой голос, призывая благословение Божие на царя в прекрасном вступлении, с примерами и изречениями, взятыми из древних: подобно тому, как Бог даровал победу Моисею над фараоном и прочее, и из новой истории, о победе Константина над Максимианом и Максенцием и прочее, и говорил многое, подобное этому, в прекрасных выражениях, последовательно и неспешно. Когда он запинался или ошибался, то долго обдумывал и молчал: некому было порицать его и досадовать, но все молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоял, сложив руки крестом и опустив голову, смиренно и безмолвно, как бедняк и раб пред своим господином. Какое это великое чудо мы видели! Царь стоит с непокрытой головой, а Патриарх в митре. О люди! Тот стоял, сложив руки крестом, а этот с жаром ораторствовал и жестикулировал перед ним; тот с опущенной головою в молчании, а этот, проповедуя, склонял к нему свою голову в митре; у того голос пониженный и тихий, а у этого... громкий; тот как будто невольник, а этот — словно господин. Какое зрелище для нас!.. Благодарим Всевышняго Бога, что мы видели эти чудные, изумительные дела!» [70].

Алексей Михайлович пробыл в действующей армии до декабря 1655 г., затем вернулся в Москву, а 15 мая 1656 г. снова уехал на войну уже со шведским королем и вернулся только в январе 1657 г.

Во все периоды отсутствия Алексея Михайловича Никон продолжал быть главным правителем государства. В Патриархе признали великого государя, действительно равного царю не только по титулу! Свидетельства об этом содержатся в официальной печати. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 г., между прочим говорилось: «Должно убо всем, повсюду обитающим православным народам восхвалити же и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людям Своим сию *премудрую двощу,* великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя Святейшего Никона Патриарха, иже... праведно и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен... храняще, всем всюду сущим под ними тоеже творити повелеша... Да даст же (Господь) им, государем... желание сердец их, да возрадуются вси живущие *под державою их...* яко да под *единем* их государским повелением вси... утешительными песньми славити имуть воздвигшаго их истиннаго Бога нашего» [71].

Такого высокого и влиятельного положения не достигал ни один Глава Церкви. Это была точка наибольшего в русской истории возвышения духовного начала в жизни общества. Все это отнюдь не означало наличия каких-либо притязаний со стороны самого Никона, как Патриарха, на вмешательство в мирские и государственные дела! Никон правил Россией по просьбе личного друга и царя лишь временно, всегда считал, как мы потом увидим, своим законным делом только правление Церковью и тут же устранился от дел государственных, как только отпала в том необходимость.

ИСПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ КНИГ И ОБРЯДОВ

«Сей во благочестии и церковном правлении
Твердо подвизался во всяком хранении,
Ко благочестию в вере всех наставляя
Аки отец слово истины исправляя».
(Монастырский «Летописец»)

Своим чередом повел святитель Никон и дело исправления русских богослужебных книг и обрядов. Дело это, как мы видели, началось задолго до его Патриаршества, было задумано не им, вызвалось рядом важных церковных и политических причин. Поэтому можно говорить лишь о завершающей, решающей роли Никона в этих преобразованиях. Он довел их до конца.

В начале своего Патриаршества Никон, по его словам, «входя в книгохранительницу, со многим трудом, многи дни в рассмотрении положи». Привести русское богослужение в полное соответствие с современной греческой практикой — так ставилась задача. Такова была заявка о. Стефана и Алексея Михайловича, на этом настаивали Восточные Патриархи, греческая иерархия. Правда, расхождения обнаруживались в вопросах не догматических, не вероучительных. Но, зная взгляды противников греческой обрядности и сторонников безусловного превосходства русской, Патриарх понимал, что и обрядовые исправления могут встретить серьезное сопротивление. Для Никона-Патриарха цель исправлений заключалась в единении Русской Церкви со Вселенским Православием, а еще точней — в восссоздании возможно более полного единства Вселенской Церкви путем приведения русской литургической жизни в согласие с греческой. Однако святитель Никон был не тот человек, чтобы слепо следовать каждой «букве» современных ему греческих чинов. Для него важно было и то, чтобы обрядовые исправления соответствовали исконным традициям и обычаям Православия, не расходились бы и с древней практикой Вселенской Церкви. Задача, таким образом, осложнялась.

Современная Никону греческая богослужебная практика во многом отличалась от той, что была в Византии в X в., когда Русь принимала Православие. Но, с другой стороны, и в русскую практику вошло немало изменений на протяжении шести с половиной веков. Решение задачи состояло в том, что литургическая жизнь Восточной Церкви XVII в. не возникла из ничего и не явилась каким-то внезапным нововведением, она складывалась постепенно, исходила из древних чинов и обычаев, т. е. имела основания в практике Древней христианской Церкви, не отличавшейся, как известно, строгой унификацией и обрядовым единообразием. Поэтому в древних книгах и рукописях при желании можно было найти подтверждения тем порядкам богослужения и обрядам, которые составляли теперь, в XVII столетии, литургическую практику Востока и находились в современных богослужебных книгах. Конечно, в древних рукописях можно было найти и подтверждение верности многих закрепившихся на Руси обычаев. В таком случае выбор мог совершаться волей высшей церковной власти. Эти соображения и составили как бы внутреннюю идейную основу преобразований Никона. Когда впоследствии старообрядцы стали упрекать Патриарха Никона в том, что наши книги правились не по древним текстам, а по новым греческим книгам, они были неправы, так же как не совсем справедливы были и сторонники преобразований, утверждая обратное. Русские обряды и книги, как будет показано ниже, исправлялись и по новым греческим, и по древним греческим и русским текстам так, что содержащееся в новых греческих книгах непременно выверялось по древним.

Святитель Никон решил начать с постепенного исправления отдельных обрядов. Такие исправления, как отмечалось, были и до него, например, при Патриархе Филарете, и не вызывали смуты. Накануне Великого поста 1653 г. Патриарх разослал по московским церквам знаменитую «Память». Подлинный текст этого документа не сохранился. Из кратких изложений современников видно, что в «Памяти» Никон повелел на молитве Ефрема Сирина делать четыре земных и 12 поясных поклонов (как делается и теперь), указывая на неправильность обычая делать 17 земных поклонов (как было до него), а также призывал креститься тремя перстами. Неизвестно, к сожалению, было ли это единоличным распоряжением Никона или он опирался на соборное решение русских архиереев. Историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) высказывает догадку, что эта «Память» послужила Никону «пробным камнем», способом узнать, «как отзовутся на задуманное им исправление церковных обрядов и богослужебных книг» [72]. Действительно, «Память» выполнила задачу быстрого выявления всех основных противников преобразований. Ими оказались в основном те

«ревнители благочестия», которых Никон ранее отстранил от участия в решении церковных дел... Протопереи Иоанн Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин, склонив на свою сторону Коломенского епископа Павла, тут же написали царю (!) челобитную, где очень пространно доказывали истинность двуперстного крестного знамения и 17-ти земных поклонов, опровергая положения «Памяти» Патриарха. Царь, как предполагает Аввакум, отдал эту челобитную Никону. Святитель никак не реагировал на это сопротивление и не привлек противящихся к ответу.

16 апреля 1653 г. в Москву прибыл Константинопольский Патриарх Афанасий Пателар. Он вполне утвердил Никона в правильности намеченных изменений и «зазирал» Патриарху «в неисправлении Божественного Писания и прочих церковных винах». Спустя год, 5 апреля 1654 г., Афанасий скончался в Лубенском монастыре на Украине и скоро был причислен к лику святых. Мощи святого Афанасия «Седящего» находятся ныне в Харькове, являются по сей день предметом почитания в Русской Церкви и засвидетельствованы Богом как особый источник благодати. Покидая Москву, святой Афанасий между прочим писал Алексею Михайловичу: «Великий господин, Святейший Никон, Патриарх Московский и всея Руси, по благодати Божией, Глава Церкви и *исправление сущия православныя христианския веры, и приводит словесных овец Христовых во едино стадо*... Только тебя, великого государя, мы имеем столп и утверждение веры, и помощника в бедах, и прибежище нам и освобождение. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину, Святейшему Никону — освящать соборную апостольскую церковь Софии — Премудрости Божией»[79] — в Константинополе. Эти слова ясно выражают полное одобрение деятельности Патриарха Никона и отчетливое понимание главных церковно-политических целей обрядовых исправлений в Русской Церкви.

В июле 1653 г. от муромского воеводы пришла жалоба на протопопа Логгина, будто он похулил иконы Спасителя и Божией Матери. Патриарх созвал в своей Крестовой церкви собор духовенства по этому поводу. Логгин отрицал вину, говоря, что он высказался лишь в том смысле, что «Сам Спас и Пресвятая Богородица честнее Своих образов». Собор счел такое противопоставление опасным, способным вызвать соблазн, и постановил наказать Логгина содержанием под арестом с приставом. По словам Неронова, еще ранее Логгин «обличал» святителя Никона в «небрежном и высокоумном и гордом житии», т. е. оскорблял Патриарха. Неронов на этом соборе вступился за Логгина, и в тот же день донес государю, что Никон хулил царское величество. Через несколько дней Патриарх вновь созвал собор духовенства и пожаловался на Неронова. Содержание доноса не подтвердилось. Тогда рассерженный Неронов стал поносить Патриарха и весь собор за множество других «провинностей». Он сыпал укоризнами и оскорблениями, проговариваясь в запальчивости о подлинных причинах возмущения против Никона: «Прежде ты имел совет с протопопом Стефаном и его любимыми советниками... Доселе ты друг наш был, — на нас восстал». Неронов далее осуждал Никона за то, что он других укоряет в жестокости, а сам подвергает телесным наказаниям, что Никон хулит ныне Уложение 1649 г., тогда как сам же его подписал, и т. д. Среди множества его укоризн не прозвучало ни одного упрека Никону в исправлении обрядов![74]

По 55-му правилу святых апостолов («аще кто из клира досадит епископу, да будет извержен»), собор осудил Неронова, определив послать на смирение в монастырь. Но из сана его не извергли. Друзья Неронова Аввакум, Даниил и другие направили царю челобитную против Никона. А Аввакум поехал даже провожать своего опального друга в Каменский Вологодский монастырь на Кубенское озеро. Вернувшись оттуда 13 августа того же 1653 г., Аввакум пришел в Казанскую церковь, где служил ранее Неронов, и собрался вместо Неронова читать поучения на Евангелие за всенощным бдением. Соборная братия не дала ему читать, сказав, что он протопоп в г. Юрьевце, а не в этом храме и что читать поучения поручено им, соборным священникам. Тогда Аввакум перестал ходить в храм, а завел свои «всенощные» в сушильном сарае на дворе Иоанна Неронова, говоря, что «в некоторое время и конюшни-де иныя церкви лучше». В это «сушило» к нему стекалось более 30 прихожан Казанской церкви. Донесли царю и Патриарху. Поступок Аввакума был не чем иным, как самовольным отделением от Церкви и стремлением отторгнуть от нее других людей, устройством «самочинного сборища». В одну из ночей стрельцы окружили «сушило» и арестовали всех там находившихся (более 40 человек). Оказалось, что этим «сборищем» в Москве руководил не один Аввакум, а еще и протопереи Даниил из Костромы и Логгин из Мурома.

Последовавшие наказания были самыми минимальными из тех, что могли быть применены по такому делу в те времена.

В Успенском соборе Кремля в присутствии царя за литургией были лишены сана (острижены и разоблачены) протопереи Даниил и Логгин. При этом Логгин,

когда с него сняли однорядку и кафтан, как вспоминает с явным удовлетворением Аввакум, «Никона порицая, через порог в алтарь (!) в глаза Никону плевал и, схватя с себя рубашку, в алтарь в глаза Никону бросил»[75]. Логгина сослали в деревню под присмотр родного отца... Даниила отправили в Астрахань в ссылку. А когда дошла очередь до Аввакума, больше всех виновного, то по личной просьбе царя с него не сняли сана и даже не запретили в служении, а отправили в ссылку в Сибирь.

Неронов из ссылки стал писать царю письма, обвиняя Патриарха Никона во всем и защищая своих единомышленников. Ему отвечал с ведома и согласия царя его друг о. Стефан Вонифатьев, увещевая Неронова смириться и быть в послушании Патриарху. При этом он писал, что Никон готов простить Неронова и всех его друзей, если они принесут истинное покаяние. 27 февраля 1654 г. Неронов написал отцу Стефану, что «мы ни в чем не согрешили перед отцом твоим (!) Никоном Патриархом», что «он смиряет и мучит нас за правду... Он ждет, чтобы мы попросили у него прощения: пусть и сам он попросит у нас прощения и покается перед Богом, что оскорбил меня туне...»[76]. В этот же день Неронов отправил обширнейшее послание Алексею Михайловичу. Прежде всего он защищал своих единомышленников, «заточенных, поруганных, изгнанных без всякой правды» «не по правилам Церкви», «мирским судом» (всё — совершеннейшая неправда!). Затем он писал о «Памяти» Никона, называя распоряжение о поклонах «непоклонной ересью», отвергая и троеперстное крестное знамение. В заключение Неронов заявлял: «От Патриарха, государь, разрешения не ищу...»[77]. Царь велел передать Неронову, что запрещает впредь писать к себе.

Итак, противники святителя Никона, испробовав разные средства борьбы, начали прибегать к обвинению самому опасному в русской православной среде: Патриарх еретичествует, исправляет древние чины и обряды неправильно. В такой обстановке потребовалось широкое соборное обсуждение обрядовых исправлений. Интересно отметить, что противники Никона взывают к Алексею Михайловичу и о. Стефану в полной уверенности, что должны найти в них сочувствие своим взглядам, т. е. думая, что Никон самостоятельно решился на обрядовые исправления. Значит, Алексей Михайлович и о. Стефан *скрывали* от своих друзей — ревнителей благочестия свои подлинные убеждения, в решающий момент как бы спрятались за Никона, и он принял весь удар сопротивления на себя одного[78].

Весной (в марте или апреле) 1654 г. по предложению Никона был созван Поместный Собор Русской Церкви. Присутствовали царь, Патриарх, митрополиты Новгородский Макарий, Казанский Корнилий, Ростовский Иона, Крутицкий Сильвестр, Сарский Михаил; архиепископы Вологодский Маркелл, Суздальский Софроний, Рязанский Мисаил, Псковский Макарий; епископ Коломенский Павел (т. е. почти все правящие архиереи Русской Церкви), одиннадцать архимандритов и игуменов, тринадцать протоиереев и весь царский «синклит» (боярско-княжеское правительство). Указывая на имевшиеся в русском богослужении отступления от древних уставов, Патриарх Никон предложил Собору сначала рассудить, «новым ли нашим печатным Служебникам последовать, или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и Устав показуют?». Собор определил единогласно: «достойно и праведно исправити противо старых харатейных и греческих»[79]. Так было соборно одобрено само исправление богослужебных чинов и книг и определен общий метод исправления. Собор далее рассмотрел предложенный Никоном перечень конкретных исправлений и утвердил их. Только Коломенский епископ Павел выступил против изменения великопостных поклонов на молитве Ефрема Сирина. Что произошло между ним и отцами Собора, неизвестно. Но сразу же после Собора он был сослан и погиб при невыясненных обстоятельствах. Впоследствии в 1666 г. Патриарха Никона обвинили в единоличном осуждении Павла, но святитель опроверг обвинение, сославшись на соборное определение об этом епископе, которое находилось тогда еще на патриаршем дворе. Вступив теперь на путь авторитетного соборного рассмотрения всего, что связано с исправлением обрядов, Никон, конечно, не мог единолично осудить епископа, если ранее даже жалобы на видных протоиереев он рассматривал в соборе духовенства.

Решениями одного лишь Поместного Собора Русской Церкви Патриарх Никон не удовлетворился. 12 июня 1654 г. он отправил письмо Константинопольскому Патриарху с просьбой «соборне» обсудить исправления в русских богослужебных чинах. В мае 1655 г. из Константинополя пришел ответ, содержащий соборное решение Константинопольской Церкви по всем 27 вопросам о богослужебных исправлениях, которые задавал Никон. Этот перечень был значительно шире того, что рассматривался на русском Соборе весной 1654 г., и содержал, в частности, вопрос о троеперстном знамении, не включенный Никоном в рассмотрение русского Собора.

Во вступительной части этого документа содержалось поучение о том, что некоторые обрядовые разногласия не нарушают единства Церквей, что «не должно ду-

мать, что извращается наша вера Православная, если кто-нибудь творит последование, немного отличное от другого — в вещах несущественных, т. е. не касающихся догматов веры; только бы в нужном и существенном оно было согласно с Соборною Церковью». Константинополь тут же определял, какие литургические и обрядовые «вещи» являются «несущественными», а какие «нужными». Так, время служения литургии, перстосложение при *священническом* благословении, образ поклонов на молитве Ефрема Сирина признавались «несущественными», говорилось, что и русские, и греческие обычаи в этих обрядах по смыслу одинаковы, несмотря на внешнее различие. Что же касается крестного знамения, то утверждалась положительная правильность троеперстия как «древнего обычая» и «предания» и разъяснялся духовный смысл его. В личном письме Константинопольского Патриарха, присланном Никону вместе с соборным определением, также утверждалась недопустимость разночтений в Символе веры, сообщался полный текст Символа, принятый Первым и Вторым Вселенскими Соборами (*«да исправятся всякие разности между нами»*) [80].

Послания Константинопольской Церкви возымели очень важные последствия. Во-первых, Никон утвердился в мысли, что несущественные обрядовые расхождения не должны нарушать церковное единство. Последовать этому принципу он призвал и своих противников, и себя самого. Во-вторых, послания помогли выделить из множества обрядовых частностей, которые подвергались пересмотру, те, которые имели важное значение. Вследствие этого основная борьба скоро сосредоточилась, локализовалась вокруг вопроса о крестном знамении (хотя, конечно, споры велись и о других предметах).

Этого послания из Константинополя пришлось ждать целый год. Поэтому еще до его получения во исполнение решений Поместного Собора 1654 г. началось деятельное исправление обрядов и книг.

В 1654 г. царь передал Московский печатный двор со всеми его учреждениями и штатом сотрудников из ведения Приказа Большого дворца в полное распоряжение Патриарха Никона. К делу проверки и исправления богослужебных книг были привлечены, кроме русских справщиков, ученые греческие и киевские монахи. Справочным материалом служили древние русские рукописные книги, книги славянской печати, изданные на Украине и в Литве (в Киевской митрополии Петр Могила уже провел исправление церковных книг по греческим образцам), а также древние греческие рукописи, которые специально для этого были привезены с Востока Арсением Сухановым, присланы Вселенскими Патриархами, видными афонскими, иными восточными монастырями, и книги современной греческой печати.

Арсений Суханов был послан на Восток за описанием Восточного богослужения и рукописями еще в 1649 г., потом трижды возвращался в Москву, в итоге привез около 500 древних рукописных книг. Сначала он в Молдавии затеял жаркие «прения о вере» с греческим духовенством, где ревностно отстаивал старые русские обряды. Здесь он между прочим узнал, что на Афоне старцы на особом Соборе единогласно объявили ересью двоеперстное крестное знамение и даже сожгли книги старой московской печати, где такое знамение признавалось правильным [81]. Познакомившись ближе с Восточным Православием и почитав те рукописи, которые он собирал для Русской Церкви, Арсений сделался убежденным приверженцем исправления наших обрядов и сторонником Никона, был поставлен им на очень видное место — келарем Троице-Сергиевой Лавры.

При патриаршем дворе в Москве возникла греко-латинская школа, в которой, по свидетельству А. Олеария, «к немалому удивлению, русское юношество, по распоряжению Патриарха и великого князя, начинают обучать греческому и латинскому языкам» [82]. Можно думать, что эта школа готовила прежде всего переводчиков и справщиков книг, поскольку заведовал ею известный справщик Арсений Грек.

Принято почему-то считать, что Никон «совсем не знал греческого языка» [83]. Это неверно. Очевидец Павел Алеппский пишет, что Патриарх Никон «очень любит греческий язык и старается ему научиться» [84]. Есть все основания полагать, что если Никон и не в совершенстве владел греческим, то все же при его способностях и настойчивости мог изучить язык в достаточной мере для понимания его и чтения на нем. Во всяком случае, он хорошо знал греческий богослужебный лексикон; известно, что в Новом Иерусалиме Никон иногда служил литургию полностью по-гречески [85]. Значит, Патриарх не стоял совсем в стороне от книжной справы. Конечно, он не участвовал во всем процессе сверки книг, рукописей и подготовки к печати новых текстов. Но проверять по греческим рукописям те отдельные места, которые подвергались исправлению для новых книг, он мог и, по его характеру, непременно должен был это делать, потому он впоследствии очень уверенно и решительно заявлял, что всё исправлялось в соответствии с древними русскими и греческими текстами. В этом он был прав и неправ. Как показали исследования проф. Н. Ф. Каптерева, Патриарх

мог не знать, что для удобства работы справщики сначала брали греческие современные книги, изданные в Венеции, где была большая колония православных греков, имевшая свою типографию, а затем сверяли эти тексты с текстами древних греческих же и славянских рукописей. При этом для каждого нового издания одной и той же русской книги (например, Служебника) привлекались разные древние рукописи. В результате три издания одного Служебника не во всем сходились между собой [86]. Святителю Никону на проверку, вероятно, приносили подготовленный текст новой книги и те рукописи, по которым она в данное время сверялась, с отметкой тех мест, что изменялись в сравнении с соответствующими местами наших старопечатных книг.

Патриарх Никон отличался небывалой широтой интересов, способностями к самым разным наукам и ремеслам, чрезвычайной начитанностью. С детства более всего на свете полюбивший знания, прежде всего духовные, он не переставал учиться всю жизнь. К 1658 г. Патриархом была собрана библиотека, включавшая более тысячи книг и рукописей. Частью это были книги, перешедшие от прежних Патриархов, частью — привезенные Арсением Сухановым за царские деньги, частью — приобретенные Никоном за собственные «келейные» средства. Среди последних оказались ценнейшие издания и рукописи, причем большинство — на греческом и латинском языках. Это были древние богослужебные книги, сочинения святых отцов: Дионисия Ареопагита, Иустина Философа, Григория Чудотворца, Климента Александрийского, Киприана Карфагенского, Кирилла Иерусалимского, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Кирилла Александрийского и других; церковноисторические книги; Акты Вселенских и Поместных Соборов, История Евсевия Кесарийского, Никифора Каллиста, сочинения Плутарха, Демосфена, Геродота, Страбона, Аристотеля [87]. Любимым чтением Патриарха, по свидетельству И. Шушерина, были толкования Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла. Никон был образованнейшим и умнейшим человеком своего времени, и это необходимо учитывать при подходе ко всей его деятельности.

Если Никон не мог вникать непосредственно в процесс книжной справы, то исправления отдельных обрядов совершались исключительно им самим. При этом Патриарх никогда не довольствовался только собственными мнениями, но стремился следовать общему верованию Вселенской Церкви.

Прибывшие в Россию в 1654 г. Антиохийский Патриарх Макарий, а также Предстоятель Сербской Церкви Гавриил и позднее Молдавский митрополит Гедеон на Поместном Соборе Русской Церкви 1655 г. утвердили верность троеперстия и внесли исправления во многие другие церковные обычаи и обряды. В Неделю Православия в 1656 г. в Успенском соборе Кремля при великом стечении народа эти же святители подробно истолковали правильность троеперстия и предали анафеме тех, которые упорно держатся обычая креститься двумя перстами. Всё это они затем закрепили отдельными грамотами за своими подписями и печатями. Они же благословили и все прочие изменения в русской богослужебной практике. Таким образом, обрядовые преобразования Патриарха Никона были совершены по настоянию, благословению и с прямым участием Вселенской Церкви.

Русская иерархия в данном случае отнюдь не являлась слепым орудием восточных святителей. Принималось только то, что соответствовало общему мнению. В иных случаях разгорались большие споры. Так, на Соборе в 1655 г. русское духовенство никак не хотело признавать обливательное крещение законным. Макарию пришлось доказывать обратное. Когда стало очевидно, что мнение Антиохийского Патриарха соответствует исконному верованию Православия, Никон сказал: «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческая». Многие архиереи согласились: «Свет веры... воссиял нам от стран Востока» [88]. Все это означало, иными словами, что хотя мы, русские, привыкли в данном случае думать и поступать по-своему, но раз Вселенская Церковь издревле учит иначе, то мы должны изменить привычные взгляды и делать так, как учит Вселенская Церковь. Это очень важное свидетельство об экклезиологических воззрениях Никона. Правда, с такой позицией в вопросе о крещении католиков на этом же Соборе не все были согласны; некоторые, как пишет Павел Алеппский, «внутренне возроптали», но из страха перед Никоном не стали возражать. Ропот, по-видимому, в русском духовенстве пошел по этому вопросу немалый, так как через год вопрос о крещении католиков рассматривался снова.

Согласно определению Собора 1655 г., был подготовлен к печати и 31 августа издан тиражом в несколько тысяч экземпляров новый Служебник с обширным предисловием. После получения в мае ответов Константинопольской Церкви по указанию Патриарха Никона в октябре 1655 г. была напечатана очень интересная книга — «Скрижаль». Эту книгу прислал еще в 1653 г. Патриарх Паисий. Теперь она была переведена на русский язык, снабжена несколькими важными приложениями. В книге

содержались толкования на литургию и другие священнодействия и обряды с целью изъяснить, насколько возможно, их таинственный смысл. В «Скрижали» было полностью опубликовано соборное послание Константинопольской Церкви, а также статья о крестном знамении, утверждавшая троеперстие, и статья о Символе веры, который очищался от искажений и утверждался в том виде, в каком он содержится и по сей день. Но напечатанную «Скрижаль» Никон не выпустил в свет без соборного о ней решения. В 1655 г. были также напечатаны и разосланы 15 тысяч новых антиминсов с изображениями [89], различные указы Патриарха о тех изменениях в обрядах, которые были приняты Собором.

23 апреля 1656 г. Никон вновь собрал, третий по счету, Поместный Собор Русской Церкви. Он предложил отцам рассмотреть отпечатанную «Скрижаль» и обратил особое внимание на вопрос о крестном знамении. Никон подчеркнул, что троеперстное крестное знамение икони существует и в русском народе во многих местах, что двоеперстие появилось сравнительно недавно на основании «Феодоритова писания», «по неведению».

Сначала Собор рассмотрел «Скрижаль». Ее читали вслух в течение многих дней. Отцы признали книгу не только «непорочной», но и достойной всяких похвал и «удивления». Затем были рассмотрены все свидетельства и документы о крестном знамении, которые накопились к тому времени. Постановили: «Аще кто отселе, ведый, неповинится творити крестное изображение на лице своем, якоже древле Святая Восточная Церковь приняла есть и якоже ныне четыре Вселенския Патриархи... имеют, и якоже зде прежде православнии содержаша, но имать творити сие неприятное Церкви (т. е. креститься двумя перстами. — *Прот. Л.*), сего имамы... всячески отлучена от Церкве, вкупе с писанием Феодоритовым...» [90]. Таким образом, отлучению от Церкви по этому соборному определению подвергались не вообще все крестившиеся или ныне крестящиеся двумя перстами, а те, кто, зная об этом решении Собора, оказывают непослушание Церкви, не желая принять ее постановления.

Сказание о Соборе с изложением речи Никона и соборных определений было напечатано, присоединено к «Скрижали», и только после этого в середине 1656 г. книга большим тиражом разошлась по стране.

Особый собор 11 мая 1656 г. с участием Патриарха Макария был посвящен вопросу о крещении католиков. После долгих прений приняли окончательно, что католиков и вообще всех крещенных обливанием не следует крестить вторично, не следует и рукополагать второй раз униатских священников, переходящих в Православие, как это делалось до сих пор.

Тем временем усердно трудился Московский печатный двор. В 1656 г. были изданы Триодь постная, Ирмологий, Часослов, второй раз Служебник. Специальный Собор (уже не такой широкий) в октябре 1656 г. обсудил и одобрил новый Требник, вышедший в свет уже в 1658 г. В 1657 г. были выпущены Псалтирь следованная, напрестольное Евангелие, еще раз Ирмологий, Апостол; в 1658 г. вышли еще раз Служебник и следованная Псалтирь. Всё это были книги, приводившие русские чины и обряды в единство с литургикой Восточной Церкви. Основные преобразования в этой области были в общем завершены.

Совершенно очевидно, что церковные исправления Патриарха Никона нельзя назвать «реформой», а его самого — «реформатором» в том смысле, какой обычно вкладывается в эти понятия новейшим временем. С точки зрения таких понятий, Никон, скорее, один из величайших консерваторов. Все его преобразования были сознательно направлены как раз на уничтожение «новшеств», каковыми, по его глубокому убеждению, являлись обряды, подвергавшиеся искоренению или исправлению.

Теперь, после Собора 1656 г., Патриарху предстояло обратить особое внимание на своих идейных противников, из которых основным оставался протоиерей Иоанн Неронов. Он был идейным вождем всей группы бывших «ревнителей», выступавших против Патриарха. Находясь в ссылке, Неронов не прекращал действовать против Никона. Он не только часто писал царю, царице, о. Стефану Вонифатьеву и другим лицам обличительные письма и челобитные, но и обращался с посланиями ко всему народу, при каждом случае проповедовал устно, называя святителя Никона «новым еретиком», пророча скорби всем, кто не выступит против Патриарха [91]. То же самое, по существу, делали и все сосланные «ревнители» и их единомышленники. Самым сильным их аргументом против Никона стало изменение Патриархом старых обрядов и книг. Это выдавалось за измену древнему русскому благочестию, т. е. за измену Православию вообще, так как Россия, как известно, «благочестием всех одоле...».

К исконному русскому православному благочестию Патриарх Никон был привержен всей душой ничуть не меньше, чем его противники. И это отчетливо проявилось в целой кампании Никона против западных и всех вообще чуждых Православию

влияний. По свидетельству Павла Алеппского, в Москве жило много иностранных купцов (немцев, франков, шведов, англичан). «Прежде все они обитали внутри города, — пишет он, — но нынешний Патриарх Никон, в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил их». За черту Москвы были высланы также армяне, татары, а их церкви и мечети в городе разрушены [92].

В 1654 г. святитель Никон приказал изымать из домов богатых и знатных людей иконы, написанные в западноевропейском стиле, неправославно. Лики на этих иконах выскабливались, а затем иконы возвращались владельцам для написания православных изображений. Это тотчас было использовано против Патриарха его врагами. Когда началась эпидемия морового поветрия и святитель Никон с царской семьей по указу государя покинул столицу, сторонники Неронова попытались поднять восстание в Москве из-за этих икон. Его руководители не только обвинили Патриарха в «иконоборчестве», но и в том, что он исправляет книги и позволил «еретику» Арсению Греку портить церковные книги своим «еретичеством» (хотя в то время Арсений еще не приступал к справе и вообще исправление книг еще не началось, а был только собор по этому вопросу). Этим обвинением заговорщики только выдали своих вдохновителей — идейных противников Патриарха. Князь Пронский «с товарищи» успокоил тогда волнение мирными увещеваниями [93]. Но это побудило святителя Никона объясниться с народом.

В Неделю Православия 1655 г. после литургии в Успенском соборе Патриарх обратился к людям с большой проповедью, где подробно объяснял, каким должно быть каноническое православное изображение и какие иконы являются неправильными, «франкскими». При этом Патриарх показывал народу образцы того и другого вида иконной живописи, давая соответствующие пояснения. В свидетели Никон призвал Антиохийского Патриарха Макария, который подтвердил истинность его поучений. Оба Патриарха предали анафеме и отлучили «тех, кто будет изготовлять подобные (латинские) образа, и тех, кто будет держать их у себя». Затем святитель Никон стал брать одну за другой франкские иконы и, громко возглашая имена бояр, у которых они были взяты, «чтобы пристыдить их», с силой бросал на пол так, что иконы разбивались. Потом он приказал их сжечь, но царь предложил закопать в землю, что и было исполнено [94]. После объяснений Патриарха народ воспринял это чрезвычайное деяние спокойно, и возмущения по этому поводу уже не было.

Если святитель Никон был вполне последователен в своей борьбе за укрепление Православия, то этого нельзя сказать о его идейных противниках; они не переставали обличать Патриарха за осуждение неправославных икон, представляя дело как оскорбление *икон вообще*. Тем самым еще раз подтвердилось, что отнюдь не только приверженность к русской православной старине руководила этими людьми...

Это вполне понимали и Никон, и Алексей Михайлович, и о. Стефан. Царь и его духовник старались примирить Неронова с Патриархом и действовали в этом направлении иной раз за спиной Никона. В августе 1655 г. Неронов бежал из ссылки и вскоре появился в Москве в доме о. Стефана. Стефан доложил государю, и оба они скрыли появление Неронова от Никона, который рассылал указы о поимке беглеца...

Когда Никон узнал, что бежавший из ссылки Неронов, не принеся покаяния, без ведома церковной власти принял монашество с именем Григорий, он послал привести его, но Неронов опять скрылся. Тогда на Соборе 18 мая 1656 г. с участием Антиохийского Патриарха за противление Церкви и Патриарху, за самовольное бегство из ссылки Григория (Неронова) постановили отлучить от Церкви и прокляли вкупе с его «единомысленниками, иже не покоряющеся святому собору». Духовенство и певчие трижды пропели «анафему» [95]. Это было уже отлучением не только за исповедание двуперстия, а за всё, в чем Неронов и его единомышленники не покоряются Церкви. Когда Григорию попалось недавнее издание «Скрижали» со всеми приложениями, где авторитетом Вселенских Патриархов утверждались новые русские чины, он пережил глубокий духовный перелом. Внимательно прочитав книгу, Неронов, по его признанию, рассудил: «Кто есмь окаянный аз? Со Вселенскими Патриархи раздор творити не хощу, нижé противен буду: что же ради и под клятвою у них буду?». В таком настроении он отправился в Москву и решился предстать перед Патриархом.

4 января 1657 г. Неронов в Кремле объявился святителю Никону, когда тот шел служить обедню. Никон встретил его спокойно, ни в чем не упрекнул, после литургии пригласил к себе. Между ними состоялась беседа, в которой Неронов излил на Патриарха целый поток укоризн. «Со Вселенскими Патриархами несть противен, якоже ты глаголеши, но тебе единому не покорялся...» — говорил он [96]. Никон молчал. Он всегда хотел примирить своих противников с Церковью. Этого требовала его христианская совесть и забота о сохранении церковного единства. Он с глубоким смире-

нием выслушивал гневные обличения Неронова: «Какая тебе честь, владыко святый, что всякому еси страшен?.. Дивлюся,— государевы царевы власти уже не слышать; от тебя всем страх, и твои посланники паче царевых всем страшны... Ваше убо святительское дело — Христово смирение подражати и Его... святую кротость!» Никон ответил: «Не могу, батюшка, терпеть» и подал Неронову письма и челобитные своих противников: «Возьми, старец Григорий, и прочти». Неронов продолжал: «Добро бы, святитель, подражати тебе кроткого нашего Учителя Спаса Христа, а не гордостью и мучением сан держати. Смирен убо сердцем Христос Учитель наш, а ты добре сердит». «Прости, старец Григорий, не могу терпеть», — спокойно отвечал Патриарх Неронову [97], не замечавшему, что своим состоянием и отношением к нему Никон опровергает все его упреки...

Через две недели состоялось официальное примирение Неронова с Церковью, выглядевшее весьма своеобразно и показательно. После воскресной литургии, по заамвонной молитве, Никон приказал привести в Успенский собор Неронова. Патриарх должен был снять с него проклятия, положенные Собором 18 мая 1656 г. Когда Неронов пришел, Никон обратился к нему: «Старец Григорий, приобщаешися ли ты Святей Соборной и Апостольской Церкви?» Неронов отвечал: «Не вем, яже глаголеши! Аз убо никогда отлучен был от Святыя... Церкви, и собору на меня никакова не бывало и прения моего ни с кем нет (!)... А что ты на меня клятву положил, — своею дерзостью, по страсти своей, гневаяся, что я тебе о той же Святей Соборной и Апостольской Церкви правду говорил (!)...» Не ответив ничего, Патриарх Никон заплакал и стал читать над Нероновым разрешительные молитвы. Плакал и Неронов. И причастился Святых Таин от руки Никона [98].

Спустя немного времени, когда Неронов заговорил однажды о старых Служебниках, приверженцем которых он был, Никон сказал ему: «Обои-де добры (т. е. и старые и новые), все-де равно, по коим хощешь, по тем и служишь» [99] (т. е. служи). И благословил Неронова держаться угодных ему старых Служебников! Патриарх уступил Неронову также и в том, чтобы в Успенском соборе Кремля по-старому двоили, а не троили «аллилуиа» [100].

Но Неронов, примирившись с Церковью, не смог примириться с Патриархом Никоном и не переставал враждовать и интриговать против него. В том же январе 1657 г. царь, увидев за богослужением Неронова, подошел к нему, сказав: «Не удаляйся от нас, старец Григорий». И Григорий ответил: «Доколе, государь, терпеть тебе такову Божию врагу (Никону). Смутил всею Русскою землею и твою царскую честь попрал, и уже твоей власти не слышать, — от него, врага, всем страх!» Алексей Михайлович, «яко устыдевся, скоро от старца отыде, ничтоже ему рече» [101]. Что и говорить, Неронов ударил не в бровь, а в глаз, — прямо по царскому самолюбию! Это была самая уязвимая точка, и именно в эту точку стали наносить удары все противники Никона. Старец Григорий поносил Никона, где мог и как мог. Патриарх терпел. Однажды видели, как святитель Никон, приехав на могилу о. Стефана Вонифатьева († 11 ноября 1656 г.) — их общего с Григорием (Нероновым) друга, долго плакал и несколько раз повторял: «Старец Григорий, старец Григорий!» [102]. Вот чего стоило Патриарху это терпение.

Нет никакого сомнения в том, что Никон точно так же позволил бы соблюдать старые обряды всем, упорно этого желающим, при условии их обращения и примирения, — не с ним, а с Церковью! Отсюда видно, что исправление обрядности не было для Никона (при всей его настойчивости в этом) таким делом, которому стоило бы принести в жертву церковное единство. С полным основанием историк Церкви митрополит Макарий (Булгаков) полагает, что *если бы Никон не оставил кафедры и правление его продолжалось далее, раскола в Русской Церкви не было бы»* [103]. К такому же выводу закономерно приходили впоследствии и другие ученые архиереи [104]. В 1658 г., когда Никон отошел от управления Церковью, раскола в ней еще не было. Несколько непокорных священнослужителей хулили Патриарха и его преобразования вплоть до безобразных ругательств, сочиняли о нем фантастические небылицы и тем, конечно, волновали людей. Но раскол как *решительное и сознательное движение* значительных народных масс начался много лет спустя после ухода Никона от дел и с особой силой развернулся только после его смерти. К тому были уже свои особые причины. Одна из них состояла в том, что линии, ясно намеченной Никоном, не пожелали следовать: старые обряды были запрещены и прокляты.

Во времена Патриаршества Никона Москва становится поистине своеобразным центром мирового Православия. К Москве и России обращены внимательные взоры христианского Востока. Здесь, как некогда в Греции времен Константина Великого, созываются важные соборы, чуть ли не Вселенского характера, в Москву едут ученые мужи, Вселенские Патриархи, знаменитейшие архиереи. Со всего Востока в Москву собираются великие христианские святыни, свозятся бесчисленные древние

рукописи. Здесь происходят горячие богословские споры, захватывающие общество так, что о предметах веры спорят и святители, и рыночные торговцы. Кажется, Россия и Москва стремятся вобрать в себя всё лучшее и ценное из духовной сокровищницы мирового Православия. Здесь, в Москве, в России, без сомнения, стало биться сердце Кафолической Церкви, и биение его отзывалось во всех уголках православного Востока. Эпоха богослужебных, культовых споров в России чем-то подобна эпохе великих догматических споров и заслуживает не меньшего внимания и изучения. Вся история свидетельствует, что при определившейся и общепризнанной догматике (вероучении в целом) литургика — самая важная, самая животрепещущая область церковной жизни. Для людей, подлинно живущих в Церкви и Церковью, литургические нормы, обряды, символы имеют огромное значение. И не следует удивляться тому, что такая борьба и споры разгорались у нас из-за отдельных слов, букв, символов. Все это может казаться маловажным только современному секулярному сознанию. Но при взгляде в древность следует всегда помнить, что русские люди тогда жили Церковью как основой своего бытия, как самым важным, что только может быть на свете!

ССОРА С ЦАРЕМ

«Горняго ища, дольняя вся презирая,
Щит веры имея, ко брани на бесов простираяся».
(Монастырский «Летописец»)

В канун праздника Богоявления 1656 г. святитель Никон прочитал в одной афонской книге, что правильней освящать воду не два раза (в навечерие и в самый праздник), а только один раз (в навечерие). В древности на Востоке не было единого устава о Великом освящении воды на Крещение Господне. В одних книгах имелись указания о двукратном освящении, а в других — об однократном. Антиохийский Патриарх возражал, ссылаясь на повсеместную практику Греческой Церкви, но святитель Никон остался при своем мнении и совершил Великое освящение воды один раз — в навечерие праздника. Алексей Михайлович, присутствовавший на этом торжестве, был в полной уверенности, что Никон поступил в согласии с Антиохийским Патриархом. Но когда перед Пасхой того же года Макария торжественно проводили в далекий путь на родину, царю стало известно, что Патриарх Никон совершил Крещенское освящение воды вопреки советам антиохийского гостя. И тут произошло нечто неожиданное... Алексей Михайлович позволил себе обругать Патриарха, как в гневе иногда ругал провинившихся подданных, но только не его, своего «собинного друга». «Мужик, бл...н сын!» — крикнул царь. Никон ужаснулся. «Я твой духовный отец, зачем же ты оскорбляешь меня!» — произнес он. Царь выпалил: «Не ты мой отец, а святой Патриарх Антиохийский воистину мой отец, и я сейчас пошлю вернуть его с пути» [105]. Из Болхова по весенней распутице Патриарха Макария вернули в Москву без объяснения причин. Пока он возвращался, Алексей Михайлович успел опомниться и примириться с Никоном, так что Антиохийскому Патриарху ничего не сказали о подлинных мотивах его возвращения. Но он узнал о них от греческих купцов, ехавших из Москвы. С их слов Павел Алеппский и записал подробности ссоры царя с Никоном. Это говорит о том, что столкновение двух «великих государей» произошло при свидетелях, вероятнее всего — членах царского синклита, которые на радостях сделали тайну цареву известной всему свету. В самом деле, эта ссора означала не что иное, как конец согласия между царем и Патриархом... Началось неуклонное ухудшение их отношений, приведшее затем к тяжким последствиям для них и для всей России. Необходимо поэтому разобраться в сущности конфликта.

Алексей Михайлович возлагал на Антиохийского Патриарха Макария большие надежды. Он должен был, по расчетам русского самодержца, распространять на Востоке самые благоприятные мнения о России, ее Церкви, ее царе. Но поскольку вопрос о крещенском водосвятии не был существенным, впечатления Макария о Никоне, о Русской Церкви, как показывают записки Павла Алеппского, нисколько не изменились из-за этого разногласия. Оба Патриарха понимали, что в несущественных богослужебных обычаях каждый из них имеет право придерживаться своих особых частных мнений, и это не может повредить церковному единству. Таким образом, поступок Предстоятеля Русской Церкви не унизил авторитета Патриарха Макария и не испортил царю восточной политики, как можно было бы подумать, глядя на то, с каким гневом Алексей Михайлович реагировал на это дело. Но, может быть, царь не был уверен, что все кончилось так благополучно? Может быть, он все же испугался за свою «восточную игру» или был до глубины души убежден, что русский

Патриарх ни в чем не смеет перечить Антиохийскому, то есть, что Восточные святители безусловно авторитетней в любом вопросе? Возможно, что такие мысли были у Алексея Михайловича. Однако они не могли являться достаточным основанием для подобной грубости и гнева, если принять во внимание ту безграничную любовь и дружбу, какие ранее существовали между ним и Никоном, тот огромный авторитет в церковных вопросах, какой имел Никон в глазах царя. Должно было быть какое-то изменение в самом отношении царя к Никону, которое наметилось раньше и как бы ждало лишь повода, чтобы проявиться.

Принято думать, что повзрослевший и возмужавший в походах Алексей Михайлович не мог больше сносить властного, крутого характера Патриарха Никона, его давления, чуть ли не вмешательства в царские дела, и т. п. Следует признать, что это одно из исторических предубеждений. Нет ни одного факта, который мог бы свидетельствовать о властолюбивом желании святителя Никона «подчинить» себе царя с той целью, чтобы самому управлять государством.

Причины неудовольствия царя Никоном кроются в другом. Столкновение по поводу Крещенского водосвятия обнаруживает один интересный факт. Алексей Михайлович как бы лишь доверял все церковные дела Патриарху, но в глубине души, оказывается, хотел (или только теперь восхотел) считать ответственным за них самого себя. Отчасти это вытекало из его взглядов на обязанности православного государя, а также из тех духовно-политических намерений стать царем Востока, о которых уже говорилось. Но это еще ничего не объясняет. Ведь при всей своей заинтересованности духовными и церковными вопросами Алексей Михайлович дал обещание не вмешиваться в управление церковными делами. В едином русском православном обществе, каким оно сложилось к середине XVII в., дела духовные и церковные являлись самыми важными, основой всей жизни. Таким образом, неизбежно получалось, что царь как бы вытеснен из главной — духовной сферы жизни своего государства. Царю оставались дипломатические отношения, войны, казна, налоги, суд, администрация и т. п. С точки зрения воспитанного в духе искреннего православного благочестия царя, всё это были дела, хотя и важные, «государевы», но второстепенные, большей частью — суета мирская. От самого важного царь оказался отстранен авторитетом и личностью Патриарха Никона. Алексей Михайлович это понимал и добровольно шел на это. Из каких побуждений? Из искренней любви к Никону как к другу и духовному лицу («святу мужу»), а также из верного православного представления о свободе Церкви в пределах царской власти, т. е. о том, что в современных понятиях может быть выражено, как стремление остаться в рамках самодержавного принципа власти, не соскальзывая в крайность абсолютизма. Нетрудно видеть, что любовь между царем и святителем Никоном была при этом самой существенной опорой, на которой держалось могущество и полновластие Патриарха в делах духовных и церковных. На вышеупомянутые царские дела Никон никогда и не претендовал! Более того, когда ему по просьбе Алексея Михайловича, ушедшего на войну, пришлось заниматься государственными делами и спасать царскую семью (что тоже было делом государственной важности), Никон этим тяготился, считая эти дела умалением своего патриаршего достоинства. Много лет спустя он из ссылки писал об этом царю: «На Москве будучи, работал тебе, великому государю, не яко Патриарх. Такожде и в моровые поветрия царице государыне и сестрам твоим государевым и чадом вашим работал, как последний раб»[106]. Следует поэтому еще раз отметить, что ни о каких теократических стремлениях святителя Никона не может быть и речи. Когда Неронов столь удачно формулировал основной тезис всех противников Никона, сказав царю: «Твоей власти уже не слышать, от него (Никона) всем страх», — это относилось исключительно к области церковных дел. Ибо сам Неронов и его единомышленники настолько считали царя ответственным за церковные дела, что первые же челобитные по обрядовым исправлениям они направляли не Патриарху, не собору архиереев, а царю...

До определенного времени царь не реагировал на эти челобитья. Да и не так уж в действительности был отстранен Алексей Михайлович от управления церковной жизнью! Царь участвует в важных Соборах, в решении текущих церковных дел, ведет за спиной Патриарха благую интригу с целью примирить его с Нероновым и т. д. Но, конечно, при всем том в церковной жизни царь — не первое, а второе лицо. В свою очередь, Патриарх Никон далеко не первый в делах чисто государственных. Так осуществлялось то равновесие или, лучше, гармония двух начал в едином православном обществе, которая веками обеспечивала крепость и единство духовной жизни России.

Как же началось «шатание»? Что побудило царя внутренне востать против приоритета Патриарха Никона в делах церковных, который сам же царь и обеспечил Патриарху?

Удовлетворительный, на наш взгляд, ответ на эти вопросы будет дан только после исследования одного из важнейших деяний святителя Никона — строительства Нового Иерусалима. Теперь же мы должны ограничиться указанием на то, что с определенного времени, именно — с 1656 г., царь стал особенно восприимчив к злостной, ядовитой клевете придворной знати и раскольников: «Твоей власти уже не слышать, от него (Никона) всем страх». Вот змеиное жало, которое начало особенно уязвлять сердце государя, как бы «открывать глаза» Алексею Михайловичу на его «второстепенное», «униженное» положение в самой важной — духовной области жизни своего государства.

И вот, как писал Патриарх Никон, в 1656 г., вернувшись с русско-литовской войны, «царь нача по-малу гордети и высится и нами глаголемая от заповедей Божиих презирати и во архиерейские дела вступатися» (или по другой редакции — «и во архиерейские дела учал вступатца властию») [107]. Таким образом, не теократические притязания Никона, а абсолютистские притязания Алексея Михайловича становились причиной и основой будущей драмы.

Внутренне восстав против полновластия Патриарха в Церкви, царь поставил себя в чрезвычайно противоречивое, сложное, попросту — безвыходное положение. Быть в церковных делах «на вторых ролях» он уже не хотел, но и открыто восставать против Патриарха не мог и по своим христианским убеждениям, и по памяти долгой личной дружбы.

В России создавалась критическая ситуация. Сущность духовного конфликта складывалась в вопрос, кто главней, кто «преболе» в делах Церкви, в духовной жизни общества, — царь или Патриарх? Если такой вопрос возникает в государстве, где гражданское общество почти полностью (за исключением инородцев) слито с обществом церковным, то это самый критический, самый острый и самый важный вопрос, от решения которого зависит вся общественная судьба.

Поразительным образом клеветнические внушения приближенных опирались на искренне православное благочестие царя. Вспомним его мысль, высказанную позднее в связи с судом над Никоном, о том, что православный государь должен «не о царском токмо пещися», но и о всем церковном, так как «егда бо сия (т. е. церковное и духовное) в нас в целости снабдятся, тогда нам вся благая стояния от Бога бывают... и прочия вещи вся добре устроятися имуть». Эта мысль представляет собой исключительной важности свидетельство о попытке Алексея Михайловича идейно обосновать главенство своей, царской ответственности за Церковь. Православный царь, действительно, ответственен за Церковь в своем обществе, но не он один и не в первую очередь! Первенство здесь принадлежит безусловно Главе Церкви. Алексей Михайлович не заметил, как переступил роковую грань и усвоил себе как самодержцу не часть ответственности за Церковь, законно ему принадлежащую, а всю полноту этой ответственности. Это был прямой идейно-духовный мост к Петру I, к русскому абсолютизму (на западный манер). В таком преступлении опасной грани, которое совершается в сознании царя как будто из чисто благочестивых побуждений, очень ясно видна рука опытного древнего клеветника и «отца лжи». А орудием его в данном случае является придворная знать, не умевшая быть истинно верноподданной своему государю, действовавшая не в интересах родины и государства, а в интересах своей гордости, корысти или даже, как мы потом увидим, в угоду тех, кто был прямо заинтересован в ослаблении России.

Царь не вполне поддавался внушениям. Он часто колебался, создавая впечатление, что готов вернуться к прежним отношениям с Патриархом Никоном. Так что кризис затянулся.

В 1657 г. Алексей Михайлович в общем ведет себя с Никоном еще как друг. 18 октября он приезжает к Патриарху на освящение Воскресенского деревянного храма в новом монастыре на Истре, где инсценируется «неожиданное» усвоение этому месту названия Нового Иерусалима, что на самом деле давно было решено между Никоном и царем. Уехав оттуда, царь посылает Патриарху письмо, в котором между прочим пишет: «Ты ж жалуешь пишешь, тужишь о нас, и аще Бог даст живы будем, за твоими пресвятыми молитвами, и паки не зарекалися, и не зарекаемся и паки приезжать» [108]. Значит, были какие-то действия или высказывания царя, которые давали Никону повод тужить, что царь «зарекается» приезжать к Патриарху...

Наступил 1658 год. Он был знаменателен тем, что оканчивал собою вторую третицу лет пребывания Никона на престоле. Еще в 1652 г., когда царь умолял Никона стать Патриархом, он согласился при условии, что пробудет у власти не более трех лет. Вероятно, Никон усматривал неслучайный, мистический смысл в троичных этапах своей предыдущей жизни: в Анзерском скиту он пробыл три года, игуменом в Кожеозерской пустыни — 3 года, архимандритом Новоспасского монастыря — 3 года, Новгородским митрополитом — 3 года... Пробыв Патриархом тоже три года, Никон в

1655 г. просил об уходе. Впоследствии он напоминал об этом царю: «Бил челом я тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал мне, отпустил в монастырь; и ты... изволил и еще другую три года быти; и по прехождении других трех годов (т. е. в 1658 г.— *Прот. Л.*) паки бил челом тебе, великому государю, чтоб ты... отпустил меня в монастырь, и ты, великий государь, милостивого своего указу не учинил» [109]. Итак, святитель Никон даже до своего разрыва с царем дважды за время правления просил освободить его от этой власти! Этим еще раз разрушается миф о непомерном властолюбии Никона и подтверждается истина: Никон был властен, пока вынужден был править делами, но совсем не властолюбив. Если отказ царя Никону в просьбе об уходе от патриарших дел в 1655 г. может быть в общем понятен, то отказ в такой же просьбе в 1658 г., накануне совершенного разрыва с Никоном, требует объяснения.

Никто из русских первосвятителей (кроме ослепшего и больного Патриарха Иова) не покидал добровольно кафедры. Первосвятительское правление обычно прерывалось только смертью. Уход здорового и полного сил Патриарха Никона мог означать для народа только то, что и было на самом деле, — недопустимый разлад между государством и Церковью. Внутреннее благочестие и соображения политические не позволяли Алексею Михайловичу допустить ухода Никона и тем более предпринимать какие-либо формальные меры против него. А между тем раздражение Никоном в душе царя как раз в это время достигло наивысшей степени...

Никон замечал, чувствовал и понимал, что́ происходит в сердце Алексея Михайловича, в какое безвыходное положение царь себя ставит переменой своего отношения к нему. Правда, колеблющееся поведение самодержца давало надежду на то, что он может преодолеть искушение и вернуться к прежней дружбе и любви. Поэтому Никону ничего не оставалось, как смиряться, терпеть и молиться. Всякая с его стороны активная попытка наладить прежние отношения была бы непременно истолкована превратно как стремление «подчинить» себе царя или как боязнь потерять свое положение. Два года (до последней возможности) Никон терпел.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ. ОСТАВЛЕНИЕ КАФЕДРЫ

«Вся добре в шесть лет с царем в совете исправльша,
Узре враг того, многих от бед лютых избавльша,
Подвиги же в начальных и меньших зависть дерзку,
Ту зря, он, победитель, сходит к Воскресенску».
(Монастырский «Летописец»)

6 июля 1658 г. в Москве принимали грузинского царевича Теймураза. На подобных приемах присутствие Патриарха Московского почиталось обязательным и в силу исконных обычаев Русского государства, и из надлежащего почтения к Церкви и ее архипастырю. Но в этот раз святителя Никона не пригласили... Это было неслыханным оскорблением, первым знамением того, что царская власть дошла до такого состояния, когда кажется, что в государственных делах «можно обойтись» и без Церкви. При торжественном въезде царевича в Кремль царский окольничий князь Б. Хитрово грубо оскорбил патриаршего боярина князя Д. Мещерского (дважды ударил по голове). Никон незамедлительно написал царю требование о наказании виновного. Царь письменно ответил, что разберется позже. Никон вторично написал, чтобы разобрался сейчас. Царь передал, что лично увидится с Никоном. Но видеться не изволил.

8 июля был праздник Казанской иконе Богородицы, на котором прежде царь всегда присутствовал при патриаршем служении со всем своим синклитом. По обычаю, от Патриарха ходили приглашать царя к вечерне, потом к утрене, потом к литургии. Но царь не пришел.

10 июля, в праздник Ризы Господней, также ждали царя в Успенском соборе, где он всегда молился в этот день в прежние годы. Его пригласили к вечерне, потом к утрене. Царь не пришел. После утрени к Патриарху явился от царя князь Юрий Ромодановский и сказал: «Царское величество на тебя гневен, потому и к заутрени не пришел, и не велел ждать его к литургии». Затем князь прибавил именем государя: «Ты пренебрег царское величество и пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь». Князь Юрий далее сказал, что царь «повелел... чтоб впредь ты не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя впредь не будет» [110].

Алексей Михайлович официально разрывал дружеские отношения с Патриархом Никоном.

Любовь и согласие между царем и святителем рухнули.

При таких обстоятельствах Патриарх Никон принял решение незамедлительно оставить правление делами Церкви и уехать из Москвы. Узнавшие о том приближенные и друзья Никона стали отговаривать его. Преданный ему боярин Н. Зюзин велел передать Патриарху, «чтобы он от такого дерзновения престал». Никон погрузился в раздумье, взял бумагу, начал что-то писать, но потом разорвал и молвил: «Иду-де». Это было перед литургией 10 июля.

В этот день в Успенском соборе, как обычно, собралось великое множество народа. Патриарху сослужили митрополиты Крутицкий Питирим и Сербский Михаил, архиепископ Тверской Иоасаф, архимандриты, игумены, протопереи. Никон облачился в саккос святителя Петра, Митрополита Московского, надел омофор «Шестого Вселенского Собора» и взял в руки посох того же святителя Петра. Во время службы в алтаре уже перешептывались, что Патриарх уходит от правления. После причастия Никон сел и написал письмо царю. По заамвонной молитве он вышел на солею, прочел положенное поучение из бесед святого Иоанна Златоуста о значении пастырей Церкви, а затем обратился к народу со своим словом.

Впоследствии, когда шло тщательное разбирательство этого момента, от многих очевидцев были взяты показания («сказки») о том, что́ сказал Никон в этой речи. Сказок собрано более шестидесяти (все они сохранились). Сохранились также письма Никона, где он вкратце сам свидетельствует о том, что́ он тогда говорил. Эти документы часто противоречат друг другу, но всё же дают возможность восстановить общее содержание и смысл речи Патриарха Никона.

Он сказал, что царь гневен на него, так что даже не приходит «в собрание церковное». Это, очевидно, происходит от того, что он, Никон, является недостойным Патриархом, не сумел пасти свою паству, как подобает, и потому он решил уйти от управления Церковью. «От сего времени не буду вам Патриархом (или: «Отныне я вам не Патриарх»)»,— заключил Никон.

Последние слова он произнес с такой решительностью, что некоторые (в частности, митрополит Крутицкий Питирим) потом показывали, будто он отрекся «с клятвою», сказав «буду анафема», если вернусь к Патриаршеству. Но большинство других очевидцев говорят, что не слышали такой клятвы, или что ее вообще не было. Сам Никон тоже утверждает, что не произносил клятвы.

Слово святителя Никона прозвучало как гром среди ясного неба. В храме поднялось смятение, Никон, сняв богослужебные ризы, оделся в черную архиерейскую мантию с источниками, черный клобук, взял в руки простую «поповскую ключку», которую загодя купили для него, и пошел было из храма, но верующие заперли церковные двери и не выпустили его. Патриарх сел на нижнюю ступеньку архиерейского помоста посреди собора лицом к западным дверям и стал ждать. Потребовали немедленно послать кого-нибудь к царю. Пошел Крутицкий митрополит и некоторые из духовенства. В Успенском соборе стоял плач и стон. «Кому ты нас, сирых, оставляешь!» — причитали люди. «Кого Бог вам даст и Пресвятая Богородица изволит»,— отвечал Никон. Царь, узнав о случившемся, отправил к Никону боярина князя Алексея Никитича Трубецкого. В своей «сказке» по этому делу боярин показывал: «Я спросил Патриарха Никона, для чего он оставляет Патриаршество, не посоветовавшись с великим государем, и от чьего гонения, и кто гонит». Никон отвечал: «Я оставил Патриаршество собою, а не от чьего и ни от какого гонения... А в том я прежде бил челом великому государю и извещал, что мне больше трех лет на Патриаршестве не быть». Затем Никон вручил Трубецкому свое личное письмо царю и просил на словах, чтобы царь «пожаловал ему келлию». В письме царю, как впоследствии свидетельствовал Никон, говорилось: «Се вижу на мя гнев твой умножен без правды, и того ради и соборов святых во святых церквах лишаеши (т. е. не приходишь в собрание верующих). Аз же пришлец есмь на земли, и се ныне, помиая заповедь Божию, дая место гневу, отхожу от места и града сего. И ты имаши ответ перед Господом Богом о всем дати»[111].

Трубецкой всё передал Алексею Михайловичу. Царь послал его вновь к Патриарху, велел вернуть ему его письмо («зане не быть ему (царю) на пользу») и сказать, чтобы он «Патриаршества не оставлял, а был по-прежнему; а келлий на патриаршем дворе много, в которой он захочет, в той и живи». «Я слова своего не переменю», — ответил Никон. И пошел из храма[112]. Царские сановники велели его выпустить. Перед Успенским собором стояла запряженная повозка Патриарха. Патриарх хотел сесть в нее, но народ распряг повозку и разломал ее. Окруженный толпами плачущих взволнованных москвичей, святитель Никон пошел пешком к Спасским воротам Кремля. Люди затворили ворота. Патриарх сел в одной из «печур» (углуб-

лений в кремлевской стене), и один Бог весть, что творилось в сердце его от воплей, плача и молений народа, стремившегося удержать своего Патриарха. Царские чиновники, наконец, приказали открыть ворота Спасской башни, и Никон ушел через Красную площадь и Ильинский крестец на подворье своего Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. На крыльце он в последний раз благословил свою паству и вошел в келлии. Сюда к нему вновь прибыли посланные от Алексея Михайловича сказать, чтобы он не уезжал никуда, пока не увидится с царем. Никон ждал до 12 июля. Никаких известий от государя не последовало. Тогда он взял в Новодевичьем монастыре две плетеные киевские коляски, в одну погрузил кое-какие вещи, в другую сел сам, и поехал в Новый Иерусалим.

Так выглядел самый момент разрыва между церковной и царской властью в России.

Никон объяснял причины своего ухода от правления следующим образом. В своем знаменитом «Возражении или разорении» на 30 вопросов по его делу, заданных боярином Симеоном Стрешневым Паисию Лигариду, и ответов Паисия на эти вопросы Никон свидетельствует: «Царь при избрании нас на Патриаршество дал клятвенное обещание перед Богом и всеми святыми хранить непреложно заповеди Евангелия, святых апостолов и святых отцов, и пока пребывал в своем обещании *повинуясь Святой Церкви* (подчеркнуто мной. — *Прот. Л.*), мы терпели. А когда царь изменил своему обещанию и на нас положил гнев неправедно, мы 10 июля, совершив во святой великой церкви Божественную литургию и засвидетельствовав перед Богом и всеми святыми о напрасном государевом гневе, вышли, по заповеди евангельской, из града Москвы, отрясли прах от ног наших и тогда же письменно известили царя, что уходим ради его неправедного гнева и что он даст за всё ответ перед Богом. Кто же укорит меня, что я поступил вопреки воле Божией, а не по правде, и какое тут отречение?» [113] Далее в этом же труде, при возражении на 17-й вопрос, где говорилось, что святители могут покидать на время свои престолы только ввиду военного нападения, Патриарх Никон пишет: «Не *больше ли* войны — гнев царский?.. Из Москвы я отошел не без ведома царева: царь знал, что гневается на меня без правды. И от него приходили ко мне... и я им говорил, что иду из Москвы от немилосердия государя, *пусть ему будет просторнее без меня* (курсив мой.— *Прот. Л.*); а то, гневаясь на меня, он не ходит в церковь, не исполняет своих обещаний, данных при нашем избрании на Патриаршество, отнял себе суд церковный, велел судить нас самих и всех архиереев и духовный чин приказным людям» [114].

В 24-м возражении, говоря о привилегиях церковных, святитель Никон восклицает: «Мы не знаем иного законоположника себе, кроме Христа, Который дал нам власть вязать и решить. Уж не эту *ли* привилегию дал нам царь? Нет, но он похитил ее от нас, как свидетельствуют его беззаконные дела. Какие? Он Церковью обладает, священными вещами богатится и питается, славится тем, что все церковники — митрополиты, архиепископы, священники и все причетники покоряются ему, оброки дают, работают, воюют; судом и пошлинами владеет». Такое обладание царя Церковью, по слову Никона, является «антихристовым узаконением». Господь сказал о последнем времени, что тогда... «за умножение беззакония иссякнет любы многих... Какого беззакония? Того, если кто восхитит непринадлежащее ему, как *государь царь восхитил Церковь и всё достояние ее в свою власть беззаконно*, и потому нас ненавидит, как прелюбодей никогда не может любить законного мужа, но всегда помышляет о нем злое...» [115]. В ответе на 26-й вопрос Стрешнева Лигарид утверждал, что «царь может ставить архимандритов и всякие церковные власти — это одна из привилегий царских, и у всех народов обычай — царю раздавать должности, для чего и орел царский пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя — церковное и мирское». На это Никон заявил: «Ты солгал и здесь, как и везде прежде. Нигде, даже в царских законах, не написано, чтобы царю избирать епископов и прочих властей (подразумевается церковных. — *Прот. Л.*)... А то правда, что *царское величество расширился над Церковью,* вопреки Божественным законам, и даже *возгорелся на самого Бога широтою своего орла* (выделено везде мной. — *Прот. Л.*).

Такого определенного, решительного и гневного осуждения царской власти за ее посягательство на Церковь наша история не знала ни до Никона, ни после него! Во всех этих словах — поразительное свидетельство о некоем духовном *перерождении* русской монархии, когда из *защитника* Церкви она начала превращаться в ее обладателя и распорядителя. Строго говоря, в мистическом смысле осуществление такого стремления вообще невозможно: Глава Церкви — Христос. Но в эмпирическом, земном, плане какое-то подавление самостоятельности церковного управления со стороны монархии, внешнее господство над церковными делами может иметь место.

Это изменение или перерождение монархии Никон почувствовал на себе, увидев явление в самом зародыше, когда почти никто из его современников не видел, или

не хотел видеть. Поэтому доказать справедливость своих обвинений Никону было крайне трудно. Самыми сильными и основательными обвинениями Патриарха, по существу, являются следующие:

1. Царь нарушил клятву, которую дал при поставлении Никона на Патриаршество, — повиноваться Патриарху во всех церковных делах;

2. Царь возжелал править церковными делами сам, стремясь поставить себя в Церкви выше Патриарха.

Происходил переход инициативы в церковных делах в руки царской власти, когда царь брал ответственность за Церковь на себя. Он еще не нарушал принятых ранее законов в отношении Церкви, не вводил новых, но начинал править церковными делами даже не в совете с Патриархом, а «преболе» его. Вот об этом с острой тревогой и болью Никон свидетельствовал своим современникам, самому царю, но его свидетельства не принимали. Ясно видя сущность происходящего и справедливо усматривая в этом духовную катастрофу для России, Патриарх Никон в своих обличениях был не всегда точен, допускал резкости, ошибки, преувеличения. Однако нельзя не видеть, что через все его обличения красной нитью проходит острая боль о том, что град земной восстал на Град Небесный и пытается подчинить его себе, что Церковь теряет должную независимость, что царская власть беззаконно узурпирует власть духовную, что «приближается тиранское разорение Церкви», как выразился Никон в письме к П. Лигариду в 1662 г.[116].

При таком положении вещей Патриарх — Глава Русской Церкви — должен был стать в значительной мере номинальной фигурой, во всем послушной воле самодержца. Таким Патриархом Никон быть не мог и не хотел. Уход от правления стал для него вынужденным и единственно возможным шагом. Проф. М. В. Зызыкин, посвятивший всю свою книгу всестороннему историко-каноническому исследованию сущности конфликта Патриарха Никона с царем, пишет об уходе святителя от правления 10 июля 1658 г. следующее: «...Уход Никона в Воскресенский монастырь был протестом против того, что царь перестал быть православным, нарушив свой обет и допустив бояр до захвата церковного управления. *Это была крайняя мера пастырского воздействия. И в этом, как в фокусе, выражено все миросозерцание Никона* (выделено Зызыкиным). Если бы он не ушел, то явился бы потаковником, соучастником в том положении, с которым он не мог бороться, ввиду утраты царской поддержки при окружающей его вражде; оставаясь, Никон встал бы в противоречие с собственным понятием о самостоятельности церковной власти и дал бы санкцию ее захвату». «Его уход был высшей мерой протеста, увековеченного историей, как борьба Патриарха с царем, как борьба Церкви с духом века сего, как борьба Нового Иерусалима с Вавилоном и антихристом, как борьба терпения и любви против насилия и несправедливости»[117].

3 февраля 1660 г. Никон писал боярину Зюзину: «Из писания твоего... мы узнали, что вы печалитесь о нас; но мы, милостию Божией, не скорбим, а радуемся о покое своем (т. е. о том, что он, Никон, отошел от правления. — *Прот. Л.*). *Добро архиерейство во всезаконии и чести,* и надобно поскорбеть о последнем всенародном событии. Когда вера евангельская начала сеяться и архиерейство чтилось в христианских царствах, тогда и *самые эти царства были в чести;* а когда злоба *гордости* распространилась и архиерейская честь изменилась, тогда, увы, и царства начали падать и пришли в бесчестие, *как известно о греках»* (выделено мной. — *Прот. Л.*). Знаменательные слова: в незаконных посягательствах царской власти Никон видит причину будущего *неизбежного падения монархии в России* и пророчески намекает на это. В этом же письме о себе самом Никон с полным основанием говорит: «Нам первообразных много, вот реестр их: Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Василий Великий и здешний Филипп митрополит»[118].

С этими глубокими и серьезными причинами ухода Никона от правления тесно сплетались и другие, психологические причины — личная ссора с Алексеем Михайловичем, «неправедный царский гнев». В этих обстоятельствах Никону также ничего не оставалось делать, как уйти от неправедного гнева, чтобы другу его «было просторнее»... Свои отношения с Алексеем Михайловичем Никон мыслил только как отношения искренней любви и полного согласия. Так эти отношения сложились с самого начала, и потому всякие иные отношения всё равно означали бы разлад между Церковью и государством. Если бы изначально Никон не был другом царя, то какой-то временный «неправедный гнев» государя можно было бы и претерпеть, будь это просто личным человеческим недоброжелательством... Однако личный гнев Алексея Михайловича вызывался глубокими духовно-политическими причинами, носил характер крайнего раздражения, которое начало проявляться в таких поступках, что оставаться Никону Главой Церкви — значило бы еще более раздражать царя, как бы вызывать его на более пагубные выходки, которые неизвестно чем могли кончиться.

Сложные переплетения личных чувств и велений общественного долга характеризуют отношения Никона и Алексея Михайловича в момент разрыва и после него. Этими переплетениями вполне объясняются те кажущиеся противоречия в поведении и словах царя, и особенно Никона, каких немало содержится в документах того времени.

Слово Патриарха к народу 10 июля 1658 г. свидетельствует как будто о безоговорочном отречении Никона от престола. Однако, поскольку этот уход от правления оказывается вынужденным, Никон удивляется, когда его потом обвиняют в «самовольном отречении» («какое тут отречение!»). Царским посланникам и другим лицам Никон иногда говорит, что ушел сам, никем не гонимый (говорит, чтобы не вызвать смуты!), а когда его начинают официально обвинять в самовольном, беспричинном и дерзком оставлении кафедры, свидетельствует, что *вынужден* был уйти «ради царского гнева», ради беззаконных стремлений государя «обладать Церковью». Сразу же после событий 10 июля на слова верного ему боярина Никиты Зюзина «что́, государь, оставил престол свой? Оставь свое упорство и возвратись», Патриарх отвечал: «будет тому время, возвращусь» [119]. А официально в эти же дни он заявляет, что ушел навсегда, в церковные дела больше вступаться не будет, благословляет избрать на свое место нового Патриарха, а пока поручает, согласно царскому желанию, править церковные дела митрополиту Крутицкому Питириму [120].

Где же правда о действительных намерениях Никона? Правда и в первом, и во втором заявлении. В контексте отношений Патриарха с царем линия поведения и намерений святителя выглядит так: если в сознании и душе государя относительно Церкви ничего не изменится, то и он, Никон, к правлению не вернется; если же царь поймет свою неправоту, — Никон не отказывается вернуться на Патриаршество. При этом главное для Никона — не вопрос личной власти, а восстановление правды в отношениях царской и церковной власти. Если с другим, новым Патриархом, царь будет чувствовать себя иначе и не станет стремиться к «обладанию Церковью», т. е. если всё дело в личном недовольстве Никоном, то пусть будет новый Патриарх! Никон готов целиком отдаться монастырскому строительству и просит лишь оставить ему владение его монастырями. Но если царь и без Никона будет продолжать беззаконие, то святитель считает своим долгом обличать самодержца и не будучи у власти. «Я ни за какие вины от Церкви не отлучен,— говорит он в 1659 г., — и хотя своею волею оставил паству, но попечения об истине не оставил, и впредь, когда услышу о каком духовном деле, требующем исправления, молчать не буду» [121].

Таким образом, вынужденный уход от Патриаршества явился для Никона как бы лишь первым шагом в борьбе за духовно-каноническую правду в отношениях монархии и Церкви, за душу своего друга и царя Алексея Михайловича. Эту борьбу он намерен был повести (и действительно повел!) независимо от того, будет ли он сам вновь позван на Патриаршество, или на его место законно изберут другого.

Началась почти девятилетняя эпопея добровольного изгнанничества русского Патриарха. В этот период с заметной планомерностью против него велись различные козни и интриги, было совершено покушение на его жизнь. Чья-то злая рука не оставляла Патриарха в покое, нарочито создавая такую обстановку вокруг него, при которой его присутствие в Новом Иерусалиме являлось источником «лихорадки» для общества, делалось нестерпимым. Алексей Михайлович то смягчался к своему «собинному другу», то поддерживал борьбу против него. Царь метался в том безвыходном положении, в какое он сам себя поставил разрывом с Патриархом. Были моменты, когда казалось, что Алексей Михайлович готов примириться с Никоном, что явилось бы самым благоразумным и верным с его стороны (и он это понимал). Но против Никона уже сложилась достаточно сильная боярско-княжеская группировка в правительстве и подобная же партия в русском и греческом духовенстве, угождавшем царю. В такой обстановке Алексей Михайлович уже не мог единолично решить вопрос о возвращении Никона к правлению, а на поддержку такого шага боярским правительством рассчитывать не приходилось. Существовала, правда, и группировка придворных бояр, очень почитавших Патриарха. В нее входили такие видные деятели Русского государства, как князь А. Ордин-Нащокин, любимец царя А. Матвеев, боярин Н. Зюзин, князь Ю. Ромодановский, боярин Ф. Ртищев. Всей душой была предана Никону родная сестра государя царевна Татьяна Михайловна. Немало сторонников Никона имелось также в духовенстве русском и греческом. Однако эта партия не решалась на открытое выступление в защиту Патриарха (слишком сильны были голоса его врагов). Наконец, в 1664 г. возник загадочный, до сих пор не вполне понятный заговор как будто с целью решительного возвращения Патриарха Никона к правлению Церковью. Этому предшествовала длительная борьба вокруг серьезнейших проблем, вызванных его уходом. Прежде всего это была проблема личных отношений Никона и Алексея Михайловича. Она связывалась с более глубокой

и основной проблемой — отношением царской и церковной власти в управлении Церковью. Кроме того, русская иерархия должна была решить вопрос о выборах нового Патриарха и о судьбе Никона. Наконец, большой проблемой явилась апелляция к Вселенскому Православию по поводу тяжкого российского раздора.

Святитель Никон, хотя и не отказывался от поддержки своих сторонников среди знати и друзей, но в основном во всей этой борьбе он старался воздействовать непосредственно на друга-царя. Здесь ясно наметились два направления: обличение царя в его неправдах и попытки возбудить в нем христианскую любовь к нему, Никону, вернуть прежние отношения. Письма ушедшего Патриарха нередко представляли собой «чересполосицу» обоих этих направлений.

Сохранился один важный документ, где архипастырское и человеческое стремление Патриарха Никона выправить душу Алексея Михайловича проявилось с особенной яркостью. Это большое сочинение под условным названием «Наставление христианину» на 103 листах (206 страниц), датированное 1660 г.[122] Оно представляет собой выписки из Священного Писания Нового Завета, собранные по тематическим главам и снабженные краткими пояснениями Никона. Патриарх пишет, что составлял эту «тетрадь» из «нужнейших заповедей Божиих, без них же невозможно никакому христианину спастися», для того, чтобы царь познал «недостаточество свое перед Господом Богом» и сделался милостив к нему, Никону.

В этом труде Патриарх обращает основное внимание на обязанности каждого человека чтить Бога, соблюдать заповеди Его, творить волю Его, духовное предпочитать мирскому и быть верным Господу. Особенно много выписок посвящено теме важности евангельской проповеди (т. е. значению Церкви в обществе). Никон отстаивает свой долг и право обличать царя, как и всех, делающих неправду. «Подобает обличение и запрещение приимати, яко лечбу чистительную страстем», — поучает Патриарх. И добавляет, что если кто ради человекоугодия не обличает согрешающего, тот наветует в истинную жизнь (вечную) В последней главе Никон утверждает: *«Яко идеже Церковь под мирскую власть снидет, несть Церковь, но дом человеческий и вертеп разбойников»*. И приводит ссылки на Евангелие об изгнании торгующих из храма и на слова Спасителя «Се оставляется вам дом ваш пуст».

Вопрос о мере участия царской и церковной власти в делах Церкви становился коренным вопросом общественной жизни России, взволновал всех, привлек к участию в его решении и Восточную Церковь. В 1662 г. в Россию прибыл Паисий Лигарид, митрополит Газский, приглашенный Никоном как ученый иерарх еще в 1656 г. Никон приветствовал приезд Паисия, надеясь, что он разрядит напряженную обстановку и приведет всё «к глубочайшему миру», чтобы «разрушилось средостение, возникшее между царем и Патриархом»[123]. Но Никон ошибся в ученом греке. Паисий Лигарид быстро привел дело к еще большему обострению и к суду над Никоном. Однако пока позиция Лигарида еще не определилась, Патриарх старался объяснить ему историю и смысл происходящего. В таком же духе Никон воздействовал вообще на греческое духовенство, ибо только Вселенская Церковь, в пользу которой он так много сделал, оставалась теперь для русского Патриарха единственной опорой.

Была, правда, и еще одна сила, достаточно мощная, находившаяся, что называется, «под рукой» у Никона и даже предлагавшая ему свою помощь — народные массы, недовольные властями мира сего. В 1668 г. архимандрит Ферапонтова монастыря, где тогда в ссылке содержался Никон, доносил царю о сношениях восставших разинцев с Никоном и в доносе, в частности, указывал: «Никон говорил мне также: «И в *Воскресенском монастыре* (т. е. еще до суда и ссылки. — *Прот. Л.)* бывали у меня донские казаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по-прежнему на Патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей»»[124]. Можно представить, какая смута ждала государство, если бы Патриарх согласился... Но этим путем святитель Никон — борец за каноническую правду во всем — пойти не мог.

Православный Восток с тревогой следил за тем, что происходило в России. Живущие в Москве греки разделились на две партии. Одни боролись за Никона, другие угождали царю. Обе партии вели интриги в Константинополе, Иерусалиме, Дамаске, в Египте и на Афоне. На Востоке ходили порой ужасающие толки о событиях, связанных с уходом Патриарха Никона. В письме царю в 1662 г. Паисий Лигарид сообщал: «Россия сделалась позорищем для всего мира, и все народы ожидают видеть развязку этой трагикомедии. К тому же, да обнаружится невинность и правда: ибо доселе еще носится ложный слух, будто Патриарх Никон бежал по причине угрожающей ему опасности тайного убийства и вследствие открывшегося тиранского заговора. Такая молва наносит великое бесчестие всему государству...»[125]. Патриарх Иерусалимский Нектарий в послании Алексею Михайловичу в начале 1664 г. выразил общую скорбь так: «В настоящем положении, когда наша Церковь находится под игом рабства и мы уподобляемся кораблям, потопляемым беспрестанными бурями,

в одной вашей Русской Церкви видели мы как бы Ноев ковчег для спасения от потопа. А теперь, кто внушил вам отвращение от мира?..»[126]

Объективный ход событий вынуждал и Алексея Михайловича, спасая свой престиж, обращаться к Вселенской Церкви. К этому особенно склонил царя Паисий Лигарид. Человек образованный (учился в Риме), хитрый, остроумный, изворотливый, он, прибыв в Россию за милостыней, тут же примкнул к придворной партии противников Никона. Отнюдь не беспорочный, находившийся, как потом обнаружилось, в запрещении, Газский митрополит давно сбежал из своей епархии и скитался по разным странам, участвуя в дворцовых интригах, оттачивая мастерство лжи и демагогии. Он явился сущей находкой для тех, кто был заинтересован в низложении русского Патриарха.

Газский митрополит прослыл ученейшим человеком. К нему решили обратиться как к авторитетному арбитру в споре царя с Патриархом. 15 августа 1662 г. боярин Симеон Стрешнев в письменном виде задал Лигариду 30 вопросов по делу Никона и получил 30 письменных ответов. Соединенные вместе вопросы и ответы составили книгу, которая стала распространяться противниками Патриарха. В ответ на это Никон написал огромный труд «Возражение или разорение смиренного Никона, Божией милостию Патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы»[127].

Кроме вопросов, посвященных делам, связанным с уходом Никона от правления и борьбой против его личных врагов, в обоих трудах закономерно был затронут самый главный и существенный вопрос — о взаимоотношениях церковной и царской власти вообще, и в церковных делах — в особенности (вопросы 20, 24, 25). Следует заметить, что Стрешнев здесь явился выразителем идей и настроений боярско-княжеской верхушки, правящего сословия России. Он стремился не только угодить царю, но вполне искренне высказывал сложившиеся представления своего класса. В ответах Паисия Лигарида отчетливо видно также не только подобострастие русскому самодержцу — милостынедаятелю, но и выражение цезарепапистских взглядов определенной части византийской иерархии времен упадка империи. И Никон в своих возражениях выступает не только от себя. Он также является выразителем достаточно древних представлений лучших греческих святителей, русского верующего народа и, пожалуй, большинства нашего духовенства. Таким образом, в этом русском споре получал какое-то очередное решение очень древний спор об образе сочетания власти мирской (царской) и власти духовной (церковной) в едином православном обществе и государстве.

Основные идеи противников Никона сводились к следующему.

1. «Самое главное радение царя — это радение о Церкви, потому что никогда не укрепятся дела царские, пока не укрепятся дела Матери его — Церкви» (П. Лигарид). Это утверждение настолько соответствовало взглядам самого Алексея Михайловича, что он почти в точности повторил его как свою собственную мысль в письме к Антиохийскому Патриарху, о чем уже говорилось выше.

2. Православный царь *«поручает»* Патриарху *«досматривать* всякие судьбы церковные» и *«дарует»* ему различные привилегии, какие даровал Константин Великий папе Сильвестру (С. Стрешнев). Но эти привилегии Патриарх должен принимать «с осторожностью», чтобы они не «надмили» его. Царь может отобрать данные Патриарху «привилегии», если тот «окажется неблагодарным» (П. Лигарид).

3. Царь имеет право через поставленных на то чиновников судить по мирским делам все духовенство (С. Стрешнев).

4. Царь «может *ставить* (?) архимандритов и *всякие церковные власти* — это одна из царских привилегий, и у всех народов обычай — царю раздавать должности, для чего и орел царский пишется двуглавым, расширяющим достоинство царя — духовное и мирское» (П. Лигарид).

Патриарх Никон, опровергая эти положения, высказывал следующее понимание дела.

1. Радение о Церкви и управление ее делами не принадлежит царю. В числе чинов Церкви, которые дал ей Бог (1 Кор. 12, 28—30) нет царя. «...Царю дано устроять только то, что на земле, большей власти он не имеет. А престол священства на небеси: что связывает священник на земле, то связывается на небеси. Он стоит между Богом и людьми и от Бога низводит нам милости, а от нас возводит к Богу молитвы и примиряет нас с Богом. Поэтому и цари помазуются священническою рукою, а не священники — царскою, и благословляют самую главу царскую; ...меньший от большего благословляется. Глава Церкви — Христос, а царь не есть и не может быть Главою Церкви, но только одним из ее членов, потому и не может действовать в Церкви» «*Священство преболе царства* есть», т. е. сан священства в Церкви выше сана царского[128].

2. Царь не может «поручать» Патриарху управлять Церковью, ибо «не от царей приемлется начало священства, но от священства на царство помазуются», и в этом отношении *«священство гораздо больше царства»*. Определенные привилегии Церкви в государстве установлены со времен Константина многими благочестивыми царями греческими, а у нас на Руси подтверждены и дополнены церковным законодательством святого Владимира, грамотами великих князей и царей. Царь, не совершая смертного греха, не может отбирать или упразднять эти привилегии.

3. Царь не имеет права через своих чиновников судить священное сословие. Такого правила нет в святых канонах. Царь не может также поставлять епископов и других священных лиц.

4. По мнению Никона, есть две крайности во взглядах на царский и архиерейский сан. Иные думают, что царь выше и важнее, поскольку царская власть исходит от Господа Бога, и не царь платит подати архиерею, но архиерей — царю, царь ограждает и защищает мечом своим все государство, творит суд и расправу, чего архиереям не дозволено. Другие, напротив, полагают, что архиерей выше царя, так как власти архиерейской поручил Бог ключи Царства Небесного и дал силу вязать и решить на земле, т. е. обладать духовной властью, тогда как царь обладает только властью мирской и «вещами временными». Обе крайности, однако, должны найти примирение, по словам Никона, в следующем решении. «Солнце светит днем, как архиерей душам. А меньшее светило — месяц, заимствующий свет от солнца, светит ночью, т. е. для тела: так и царь приемлет помазание и венчание (на царство) от архиерея, по принятии которых становится уже совершенным светилом». Такова разность между теми двумя лицами во всем христианстве. «Архиерейская власть во дни, т. е. над душами, а царская — в вещах мира сего». Царский меч должен быть готов на врагов веры православной. Оборонять и защищать духовенство от всякой неправды и насилия обязаны мирские власти. «Мирские нуждаются в духовных для душевного спасения, духовные в мирских — для обороны». В этом отношении *«царь и архиерей не выше один другого,* но каждый имеет власть от Бога. В вещах же духовных архиерей великий выше царя, и каждый человек православный должен быть в послушании Патриарху, как отцу в вере православной, ибо ему вверена Православная Церковь» (выделено мной. — *Прот. Л.*). Вот в этой, чисто духовной, области «священство преболе царства есть».

Во взглядах Патриарха Никона перед нами, таким образом, ясная православная позиция, совершенно чуждая каких-либо теократических притязаний и плотских мудрований, основанная на здравом христианском представлении об устройстве мира и человеческого существа, где духовное и мирское находятся в неразрывном единстве и гармонии при главенстве духовного начала, которое, однако, не означает лишения мирского должной самостоятельности и значимости в Боге — Творце всего. Проф. М. В. Зызыкин метко обозначил такую позицию как «святоотеческо-русскую» [129].

Говоря о превосходстве священного сана над саном царским, Никон отнюдь не толкует это в том смысле, что царь в своих государственных делах должен подчиняться архиерею, что государственная власть есть как бы орудие в руках церковной власти. Никон категорически настаивает только на том, что *в Церкви, в делах церковных* «священство преболе царства». В царстве же земном, «вещах временных» царь имеет от Бога всю полноту власти действовать на благо страны и веры, как подобает государю, со всей ответственной самостоятельностью. Переворачивать такой богоустановленный порядок вещей и возносить царскую власть над властью церковной в делах церковных — значит подрывать и опрокидывать коренные устои естественной и правильной жизни общества, обрекать на погибель саму же царскую власть (Никон приводит много примеров ветхозаветной и новозаветной истории, где показаны разные судьбы царей, верно и неверно относившихся к Церкви).

Патриарх Никон в своем «Возражении», как и во всей своей борьбе, выступает и как пламенный исповедник должной самостоятельности Церкви, и как патриот — защитник правильно понятых интересов государства.

Особое внимание было уделено Никоном в этом труде «Соборному Уложению» 1649 г. в части церковных дел. Святитель напомнил о том, что царь приказал главному составителю «Уложения» князю Одоевскому и его помощникам — князьям Прозоровскому и Волконскому и дьякам Леонтьеву и Грибоедову написать «статьи из правил святых апостолов и святых отцов, из градских законов греческих царей и из разных узаконений прежних русских царей и великих князей» и на этом основании составить новый свод законов России — «Уложение». Но составители не исполнили приказа. «Князь Никита Иванович Одоевский — человек прегордый,— писал Никон,— страха Божия в сердце не имеет, правил апостольских и отеческих никогда не читал и не разумеет, и враг всякой истины; а товарищи его люди простые, Боже-

ственного Писания несведущие, дьяки же — это заведомые враги Божии и дневные разбойники, без всякой пощады губящие людей Божиих». «Князь Одоевский с товарищами всё солгал, ничего не выписал из правил святых апостолов и святых отцов и из законов греческих царей, но написал всё новое, чуждое Православия» [130].

Такое состояние дел в православной России наводит Никона на тревожные мысли: «Не пришло ли ныне отступление от Святого Евангелия и от предания святых апостолов и святых отцов? Не явился ли человек греха, сын погибели?.. Какой же больше погибели, когда, оставив закон и заповеди Божии, предпочли предания человеческие, т. е. Уложенную книгу, полную горести и лести? Антихрист приготовит и иных многих, как тебя, списатель лжи, и тебе подобных (это в адрес Одоевского.— *Прот. Л.*). Он сядет во храме Божием не в одном Иерусалиме, но повсюду в Церквах, т. е. примет власть над всеми Церквами и церковными пастырями, на которых ты, отступник, по действу сатаны написал суд творить простым людям...»

В своем «Возражении» Патриарх Никон доходит до самых гневных обличений Алексея Михайловича. «Царь... не исполнил ни в чем своих обетов перед Богом,— пишет он,— почему недостоин входить в церковь и должен всю жизнь свою каяться, а сподобиться Святого Причастия может только перед своею смертью. Он клятвоотступник и трижды нарушил свои обеты, данные при Крещении его, при помазании на царство и при избрании (Никона) на патриарший престол» [131]. Таким образом, святитель Никон публично заявил о том, что государственное законодательство о Церкви в России середины XVII в. является уже не христианским, русский царь преступен и подлежит церковному наказанию и что в России началась апостасия — отступление власти от Бога и Евангелия. С таким выводом Патриарха Никона вполне согласны и английский исследователь этой темы Пальмер, и проф. М. В. Зызыкин [132]. Угрожающие признаки такого отступления особенно проявились в неудачной попытке Алексея Михайловича самостоятельно решить вопрос о новом Патриархе и о судьбе Никона. В 1660 г. по царской инициативе был созван Поместный Собор Русской Церкви для выборов нового Патриарха. Никона не пригласили, а лишь поставили в известность об этом и попросили «благословения» на выборы нового Главы Церкви. Патриарх ответил, что, хотя он добровольно оставил правление и давно изъявил согласие на избрание другого Патриарха, но это избрание должно состояться с его, Никона, участием. Он возглавит хиротонию, простится со всеми, освободит архиереев от клятвы присяги не желать иного Патриарха, кроме него. «А на то, чтобы избрать нового Патриарха без меня, я не благословляю»,— заявил святитель Никон. Тогда по указанию царя Собор занялся вопросом о судьбе самого Никона. При этом Патриарха и на сей раз не только не пригласили, но даже и не предложили представить объяснения, почему он оставил правление; ограничились только сбором «сказок» о том, что он ушел от дел «самовольно», о чем и заявил сам 10 июля 1658 г. Благодаря усилиям объективно настроенных архиереев и духовенства во главе с иеромонахом Епифанием Славинецким, очень убедительно выступавшим против низложения Никона, Собор не вынес никакого осуждения Патриарху. Ничего другого, кроме общих канонических рекомендаций о выборах нового Патриарха на место ушедшего, Собор выработать не мог [133]. Без участия живого, не осужденного Главы Церкви, каковым продолжал оставаться Никон, Собор вообще не имел законной силы.

Между тем события развивались в сторону всё большего обострения внутренней обстановки в стране. Уход Никона от правления, естественно, оживил его давних противников в деле обрядовых и книжных исправлений. Царь вместо того, чтобы проявить последовательность и твердость в отношении к этим людям, решил заигрывать с ними, надеясь, может быть, что, примирив их с собою, как с противником Никона, он сделает их и единомышленниками. В свою очередь, и сторонники старых обрядов старались заручиться расположением Алексея Михайловича, утверждая безусловный приоритет царской власти во всех церковных делах [134]. Большая свобода действий была предоставлена Григорию (Неронову). В Сибирь в 1660 г. была послана грамота с разрешением Аввакуму вернуться в Москву. В 1663 г. он прибыл в столицу. Деятельность сторонников старых обрядов настолько оживилась, что к ним стали примыкать значительные народные массы. 21 декабря 1662 г. Алексей Михайлович в указе об обращении по делу Никона к четырем Вселенским Патриархам вынужден был признать, что «ныне в народе многое размышление и соблази, а в иных местах и расколы». При этом царь прямо связывал это явление с тем, что Никон ушел от правления Церковью, «нерадит о ея вдовстве» и не исправляет «несогласия церковного пения и службы литургии и иных церковных вин» (дел) [135]. Это было первым официальным свидетельством о начинающемся расколе в Русской Церкви. *Церковный раскол, таким образом, явился прямым результатом раскола царской и церковной власти* и начался вслед за ним, хотя некоторые идейные основы его сложились ранее у противников обрядовых исправлений святителя Никона. К 1666 г. Алексею

Михайловичу снова пришлось отправить в заточение основных деятелей старообрядчества. Но было уже поздно. Рождественским постом 1662 г. Лигарид посоветовал царю: «Отправь грамоты к четырем Восточным Патриархам и объяви им всё дело о Никоне, и тотчас же достигнешь своего желания»[136]. Царь обещал подумать. Положение его было трудным. С одной стороны, он получал от Никона всё более резкие и страшные обвинения, с другой — он не решался всё же доводить дело до вселенского суда по делу Русского Патриарха. Но соблазн предложения Газского митрополита состоял в том, что обращение к Вселенским Патриархам избавляло Алексея Михайловича от личной ответственности за отстранение Никона. А они, несомненно, как на то и намекал Паисий Лигарид, вынесут решение, угодное русскому царю, помощью которого все они так дорожат.

Соблазн подействовал. 21 декабря 1662 г. царь принял решение обратиться к четырем Вселенским Патриархам с приглашением прибыть в Москву для разбирательства дела Патриарха Никона и других церковных вопросов на Собор, который должен состояться в мае — июне 1663 г.

Вселенские Патриархи получили грамоты Алексея Михайловича. Приехать в Москву, да еще в столь короткий срок, они не могли по причине зависимости от турок. Согласившись друг с другом, они решили написать свое определение («томос») относительно дела Никона. Поскольку устные сообщения царского посла, во многом извратившего суть дела, были признаны недостаточным основанием для суда над Патриархом Никоном, Вселенские Святители написали свои канонические определения безымянно, не упоминая лично Никона, высказав свои суждения о том, как *вообще* следует поступать, если некий «епископ или Патриарх» сделают то или иное. Четыре свитка «томоса» были доставлены в Москву только в мае 1664 г.

Безымянный характер «томоса» вызвал в Москве разочарование. Собор, намеченный на середину 1663 г., не состоялся, и Алексей Михайлович пришел к мысли о необходимости непременного личного прибытия Вселенских Патриархов в Москву. В сентябре 1664 г. на Восток отправилось новое посольство с новыми настоятельными приглашениями.

Тем не менее «томос» Вселенских Патриархов интересен и важен как документ, показывающий их отношение к «делу» Никона с самого начала. В первом же разделе документа утверждалось, что «царь есть верховный владыка в своем царстве и имеет право наказывать всех сопротивляющихся ему своих подданных, хотя бы кто из них занимал самое высшее место в Церкви; в монархии должно быть одно начало — царь, а не два, и Патриарх в вещах мирских должен покоряться царю наравне с прочими подданными... а в вещах церковных не должен изменять древних уставов и обычаев; если же дерзнет сопротивляться царю или изменять древние уставы, то да будет лишен своего достоинства»[137]. Год спустя Константинопольский Патриарх Дионисий, подтверждая главы «томоса» в личном письме Алексею Михайловичу, высказался по этому же вопросу так: «Извещаю твоей пресветлости, что, по тем главам ты имеешь власть обладать и Патриархом, у вас поставленным, как и всеми синклитиками, ибо *в одном самодержавном государстве не должно быть двух начал, но один да будет старейшина*»[138] (выделено мной.— *Прот. Л.*). Удивительно только, как греки высочайшим авторитетом утверждали и поддерживали в Русском царстве то, из-за чего они сами потеряли свою монархию! Паисий Лигарид не подвел Алексея Михайловича: Вселенские Патриархи решали дело заведомо в пользу русского царя.

Только Иерусалимский Патриарх Нектарий проявил больше подлинной чуткости к России и Русской Церкви. В марте 1664 г. он написал от себя лично особое письмо Алексею Михайловичу, которое было получено в ноябре того же года. Он писал: «Нам кажется, что вы можете покончить дело мирным образом. Пригласите однажды и дважды кир Никона, чтобы он возвратился на свой престол и покажите ему для точного соблюдения статьи нашего соборного свитка... Просим Ваше величество не приклонять слуха к советам людей завистливых, особенно если таковые будут духовного сана». Далее Нектарий писал то, что уже цитировалось выше,— о Русской Церкви, как Ноевом ковчеге для Вселенского Православия. «Помыслив о сем, миролюбивейший государь, последуй кротости Давида, восприми ревность по вере православной и постарайся со тщанием вновь возвести законного Патриарха вашего на престол его»,— призывал Иерусалимский Патриарх и заканчивал свои увещания так: «Необходимо одно из двух: или возвратить Никона, или на его место возвести другого; только гораздо лучше возвратить Никона».

Алексей Михайлович ответил Нектарию, что послание его «зело поздо поспе», а затем упрекал Вселенского Патриарха в том, что он заступается за Никона[139].

В декабре 1664 г. начали происходить странные события. 3 декабря, будучи в Звенигороде, Алексей Михайлович *с особым* вниманием принял архимандрита Воскре-

сенского Новоиерусалимского монастыря, говорил ему, что не имеет гнева на Никона, и пожаловал Никону невиданно богатую милостыню... 7 декабря царь говорил то же самое А. Ордину-Нащокину и А. Матвееву, прибавив, что он не верит клеветам на Никона, т. е. ясно давал понять, что возымел особое расположение к Патриарху. С другой стороны, И. Зюзин стал писать Никону, что царь желает возвращения его к правлению Церковью, так как «досконально узнал», что ссора его с Никоном вдохновляется враждебными иностранными державами, но, боясь своего правительства, не может сам просить Никона вернуться. Поэтому царь будто бы через Нащокина и Матвеева велел сказать Зюзину, чтобы он тайно связался с Никоном и передал ему «царским именем» предложение самому внезапно приехать в Москву и занять свое патриаршее место (вернуться на престол). При этом Зюзин сообщал такие подробности царского разговора с указанными боярами, которые невозможно было выдумать и которые так были характерны для Алексея Михайловича и его приемов дворцовой игры. Истинность дела была засвидетельствована посланцу Никона духовником Зюзина. В последнем письме боярин сообщал подробнейшие «царские» инструкции, как въезжать в Москву ночью под 18 декабря, что отвечать боярам, которых царь «для приличу», «отводя (от себя) подозрение», пришлет к вернувшемуся Никону[140]. В самой Москве меж тем сторонники Патриарха начали готовиться к его торжественной встрече. Кем-то из одаренных людей была написана «Похвала Никону» — возвышенное высокохудожественное слово на возвращение Патриарха Никона, которое описывалось в точном соответствии с тайными инструкциями Зюзина[141]. «Похвала» уже получила некоторое распространение в обществе, так что довольно широкий круг лиц находился в полной уверенности, что дело непременно кончится благополучно. Н. Зюзин был солидным государственным мужем, служил на дипломатическом поприще, воеводой городов Путивля и Новгорода. Не поверить ему Никон не мог. Всё дело явно выглядело как продуманная затея Алексея Михайловича, возжелавшего примириться с «собинным другом», вернув его к правлению Церковью. И Никон внезапно вернулся. 18 декабря во время второй кафизмы на утрени он вошел в Успенский собор Кремля и стал на патриаршем месте.

Во дворце поднялся настоящий переполох, собрался синклит, архиереи. Послали к Никону. Он ответил, как и было предусмотрено. Враги Никона, особенно Паисий Лигарид, подняли возмущенные крики. Алексей Михайлович выслушал всех и... велел передать Патриарху «царский указ» немедленно вернуться обратно в свой монастырь[142].

Можно представить состояние Патриарха, оказавшегося в таком положении! Он сделался жертвой какого-то гнусного обмана или игрушкой в неумелой интриге.

Никон вышел из храма на соборную площадь Кремля. Над ним сияло звездами еще совсем ночное небо. На небе красовалась огромная хвостатая комета — знамение бед и несчастий. Садясь в сани, Никон стал отрясать прах от своих ног, читая Евангельские слова: «идеже аще не приемлют вас, исходя из града того, и прах, прилипший к ногам вашим, отрясите во свидетельство на ня». Стрелецкий полковник на лошади весело заметил: «Мы этот прах подметем!» «Разметет и вас Господь Бог оною Божественною метлою»,— проговорил Никон, указывая на комету[143]. Морозный снег взвизгнул под санями, и тронулись в путь.

На следствии по этому делу Нащокин и Матвеев, конечно, отрицали, что говорили с Зюзиным от царского имени и предлагали Патриарху вернуться. Зюзин взял всю вину на себя, сказав, что «своровал» (совершил это политическое преступление), желая восстановить мир в Церкви и обществе. За это правительственный суд приговорил его, разумеется, к смертной казни. Но вдруг по просьбе детей царя казнь заменили ссылкой в Казань на дворянскую службу. Патриарх мог укорять себя за доверчивость, но он был чист в совести своей, ибо сам не стремился к возвращению на Патриаршество. Интрига лишь всколыхнула всегда таившееся в нем чувство любви к Алексею Михайловичу, заставив вновь глубоко поверить в его дружбу, в возможность возрождения прежних отношений. Но если всё оказалось обманчивым, и друг не нашел в себе силы в решающий момент настоять на принятии искренне вернувшегося Никона или обманывал его умышленно, то это, по крайней мере, избавляло Патриарха от лишних иллюзий. Теперь Никон знал в точности, что Главою Церкви его уже не хотят видеть ни за что. Раньше он не отвергал совсем возможности вновь вернуться к управлению, если изменятся духовные воззрения царя. Теперь в этом вопросе возникла определенность. Она была немаловажной в стратегии его дальнейшей борьбы, позволяла сделать некоторые уступки, чтобы привести всё к скорейшему и мирному исходу.

В тот же день, 18 декабря 1664 г., на обратном пути из Москвы Никон спокойно сказал царским послам, что нет нужды звать Вселенских Патриархов, ибо он, как раньше обещался, так и ныне обещается не возвращаться на патриарший престол,

предлагает избрать нового Патриарха и просит лишь принять некоторые условия его окончательного отречения. Из них важнейшим было — сохранить в его полном распоряжении три монастыря его строения со всеми приписными обителями и вотчинами. Никон предлагал кончить дело по-домашнему и в принципе соглашался на то, чтобы вопрос о его судьбе и избрании нового Патриарха был решен одними русскими архиереями.

Предложение заинтересовало и было живо принято при дворе. Хотя за Вселенскими Патриархами уже было послано, но если представлялась возможность скоро и сравнительно просто решить дело своими силами, то этим можно было воспользоваться.

13 января 1665 г. Никону предложили письменно изложить условия своего окончательного ухода от правления, что он и сделал в тот же день.

Примерно в сентябре 1665 г. был созван Собор русских архиереев и духовенства. На нем присутствовали все архипастыри, кроме Сибирского и Астраханского, приславших грамоты с заведомым согласием на все решения Собора [144].

Условия Никона были подробно рассмотрены. В соборном решении осуждались резкие поступки Никона, проклятия, наложенные им на некоторых бояр и архиереев из числа врагов, и определялось, что Никон впредь не будет именоваться «Московским и всея Руси», но только «Патриархом» и во всем повиноваться новому правящему Патриарху, называя его не «сослужебником», а «архипастырем» и «начальником», как и все прочие архиереи. Во всех делах он должен поступать, как и другие епископы, по разрешению государя и благословению правящего Патриарха. За ним оставлялись для содержания три монастыря его строения, но без приписных обителей. Эти монастыри должны были находиться в духовном ведении тех епископов, в чьих епархиях они находятся, а не во власти Никона. По делам этих монастырей он должен сноситься с епархиальными архиереями и только с их согласия что-либо делать в этих монастырях. Он не должен также никого рукополагать без разрешения епархиальных епископов [145].

С канонической точки зрения соборные решения были в общем правильны. Но они разрушали все планы и замыслы Никона, стремившегося отвоевать в свое полное и независимое управление хотя бы небольшой «остров» в Русской Церкви — группу своих монастырей. Однако очень важно отметить, что свои, русские, архиереи, осудив резкие поступки Никона, не сочли нужным подвергать его самого ни суду, ни извержению из сана.

Этому соборному определению Алексей Михайлович не дал хода. Оно не было доведено до сведения Никона. Между тем вокруг Никона продолжали возникать различные «дела», от которых «лихорадило» общество. 12 ноября 1665 г. царю доложили, что два Вселенских Патриарха — Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий уже едут в Москву. Константинопольский Дионисий и Иерусалимский Нектарий отказались приехать, сославшись на запрет турецких властей.

Не имея в течение целого года ответа на свои предложения, святитель Никон понял, что его участь хотят решить в совете с Вселенскими Патриархами. Тогда и он решил обратиться к ним лично. В декабре 1665 г. Никон отправил тайно своего двоюродного племянника с грамотой к Патриарху Дионисию (он писал и другим, но сохранилась и была использована в его деле только эта грамота). В январе 1666 г. на Украине посланник Никона был схвачен и доставлен в Москву.

Суд над святителем Никоном с участием Вселенских Патриархов стал неизбежностью.

(Продолжение следует)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным». М., 1871. Изд. Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря (предисловие и подготовка к печати — архимандрита Леонида (Кавелина).— *Прот. Л.)*
2. Документы судебного «дела» Патриарха Никона. ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. I, II, III.
3. «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским». Перевод с арабского Г. Муркоса (по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел»). М., 1896—1900.

4. *Я. Л. Барсков.* Памятники первых лет русского старообрядчества (ПРС.). СПб., 1912.
5. *И. Гиббенет.* Историческое исследование дела Патриарха Никона. СПб., 1882.
6. *Макарий (Булгаков),* митрополит Московский. История Русской Церкви, тт. XI—XII. СПб., 1882—1883.
7. *И. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909.
8. Архимандрит *Леонид (Кавелин).* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
9. *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Кн. V—VII. М., 1961—1962.
10. *Н. Субботин.* Дело Патриарха Никона, М., 1862.
11. *М. В. Зызыкин.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Варшава, ч. I—1931, ч. II—1934.
12. *В. О. Ключевский.* Сочинения. Курс Русской истории. Т. II, ч. 3. М., 1957.
13. Митрополит *Антоний.* Восстановленная истина. О Патриархе Никоне. Лекция, опубликованная в «Полном собрании сочинений». Т. IV, дополнительный. Киев, 1919.
14. *М. А. Ильин.* Каменная летопись Московской Руси. М., 1966.
15. *Г. В. Алферова.* К вопросу о строительной деятельности Патриарха Никона. Статья в сборнике «Архитектурное наследство» № 18. М., 1969.
16. «Благодеяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святыя иконы». М., 1891.
17. *И. Бриллиантов.* Патриарх Никон в заточении на Белоозере. СПб., 1899.
18. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» АН СССР. М., 1955.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С этим в основном согласуются глубокие историографические суждения М. В. Зызыкина. См. его сочинение, ч. I, с. 6—7, 191—192.

[2] «Известие...» И. Шушерина было написано им после суда над Никоном, в период примерно с 1670 по 1687 г. Наряду с личными воспоминаниями автор использует подлинные исторические документы (письма Никона царю), воспоминания монахов, бывших вместе с Патриархом на суде. Некоторые места «Известия...» дают основания полагать, что Шушерин имел под рукой записки очевидца — кого-нибудь из сопровождавших Никона; так, при описании пути Патриарха в заточение (свидетелем которого Шушерин не был) встречается выражение «и стоях хом (т. е. мы стояли) на оном месте два дни», с. 78. Всё это делает «Известие...» ценным источником. И хотя у автора имеются отдельные неточности и ошибки, всё же, в целом, как пишет в предисловии архимандрит Леонид, «нет ни малейшего подозрения относительно фактической стороны «Известия...»»

[3] Житие Иларнона, митрополита Суздальского. Казань, 1868, с. 19—20.

[4] «Известие...», с. 8.

[5] Митроп. *Макарий.* История.., т. XI, с. 163.

[6] Там же.

[7] *Каптерев,* с. 17.

[8] *П. Алеппский.* Путешествие..., вып. III, с. 121.

[9] *Каптерев,* с. 17.

[10] *Соловьев,* кн. VI, с. 609; кн. VII, с. 128.

[11] *Каптерев,* с. 42.

[12] Там же, с. 43—45.

[13] *П. Алеппский,* вып. IV, с. 170—171.

[14] *Каптерев,* с. 35, 46—47.

[15] *Ключевский,* с. 293; *Каптерев,* с. 33—34.

[16] «Известие...», сс. 10—11.

[17] *П. Алеппский,* вып. IV, с. 54.

[18] Там же, с. 146—147.

[19] *Каптерев,* с. 37—38.

[20] Там же, с. 39.

[21] Там же, с. 40.

[22] Там же, с. 63.

[23] Там же, с. 44.

[24] Там же, с. 65.

[25] Там же, с. 19.

[26] Там же, с. 49—50.

[27] Там же, с. 73.

[28] Там же, с. 57.

[29] *И. Гиббенет*, с. 470—472.
[30] *Каптерев*, с. 65—66.
[31] Там же.
[32] *Каптерев*, с. 65—66; Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 165—66.
[33] Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 166. Примеч.
[34] «Известие...», с. 10—11.
[35] Очерки истории СССР, с. 250—251.
[36] *Соловьев*, кн. V, с. 495—506, 514.
[37] Соловьев утверждает, что вся идея о перенесении мощей трех святителей принадлежала Никону, но митрополит Макарий (Булгаков) считает это утверждение сделанным «неизвестно на каком основании». Соловьев также уверенно пишет, что грамота мощам Филиппа от имени Алексея Михайловича — это придумка Никона. Последнее утверждение можно принять, зная особую любовь Никона к св. Филиппу и его дальнейшие действия в отношении царской власти. *Соловьев*, кн. V, с. 516—517; Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 176—177.
[38] Митроп. *Макарий*. История..., т. XI, с. 177.
[39] *Каптерев*, с. 107.
[40] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 4—7; *Соловьев*, кн. V, с. 523.
[41] *Соловьев*, кн. V, с. 521.
[42] *П. Алеппский*. Путешествие..., вып. III, с. 91.
[43] *Ключевский*, с. 270—273.
[44] *Шушерин* «Известие...», с. 30.
[45] У Павла Алеппского находим подробное описание устройства Коломенского епархиального управления, в котором трудились вместе епископские и царские бояре. Первые подчинялись архиерею, вторые — государству (вероятно, Монастырскому приказу), осуществляя соответственно управление чисто духовными делами и делами по гражданским и уголовным искам на духовенство, служащих и крепостных крестьян епископии. «Путешествие», вып. II, с. 161—163. Обобщающие данные о подчиненности церковных дел того времени церковным и государственным инстанциям содержатся у митроп. Макария (Булгакова) — История Русской Церкви, т. XI, с. 182—204. Верное суждение об этом высказано у М. В. Зызыкина. Патриарх Никон, ч. II, с. 9—10.
[46] *П. Алеппский*, вып. III, с. 47; митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 241.
[47] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 284—285, 286—290.
[48] Там же, с. 270.
[49] *П. Алеппский*, вып. II, с. 181, 187; вып. III, с. 160.
[50] Там же, вып. II, с. 166—167.
[51] Там же, с. 104.
[52] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 789.
[53] *П. Алеппский*, вып. II, с. 108—109, 166.
[54] Там же, вып. II, с. 103—104; вып. III, с. 3.
[55] Там же, вып. II, с. 170—171.
[56] Там же, вып. III, с. 162.
[57] Там же, вып. IV, с. 129.
[58] Там же, вып. III, с. 162—163.
[59] Там же, вып. III, с. 121.
[60] Там же, вып. III, с. 180.
[61] Там же, вып. II, с. 122.
[62] Там же, вып. III, с. 47—48.
[63] К такому выводу приходят историки, далеко не симпатизирующие Никону. *Каптерев*, с. 109—112; митроп. *Макарий*, т. XII, с. 130.
[64] *Каптерев*, с. 109.
[65] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 231.
[66] *П. Алеппский*, вып. IV, с. 20.
[67] Там же, вып. III, с. 146—147.
[68] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 234.
[69] Там же, с. 235.
[70] *П. Алеппский*, вып. III, с. 145.
[71] Митроп. *Макарий*. История..., т. XII, с. 235.
[72] Там же, с. 138—139. [73] Там же, с. 124. [74] Там же, с. 127—129. [75] Там же, с. 135, примеч. 75. [76] Там же, с. 136. [77] Там же, с. 137.
[78] Каптерев в указанном труде очень обстоятельно показывает руководящую и направляющую роль о. Стефана Вонифатьева в деле намеченных обрядовых изменений до возведения Никона на патриаршество и доказывает, что старообрядцы не знали этого и всегда ошибались на его счет. *Каптерев*, с. 127—135.

[79] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 141—143.
[80] Там же, с. 179—186.
[81] Там же, т. XI, с. 143—153.
[82] Там же, т. XII, с. 280.
[83] *Каптерев,* с. 258.
[84] *П. Алеппский,* вып. II, с. 36; Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 281.
[85] «Известие...», с. 54—55; Архим. *Леонид.* Историческое описание..., с. 20.
[86] Об этом очень подробно у *Каптерева,* с. 234—260.
[87] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 281—282.
[88] *П. Алеппский,* вып. III, с. 171.
[89] Там же, с. 170—171.
[90] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 193—194.
[91] Там же, с. 205—206.
[92] *П. Алеппский,* вып. III, с. 78—79.
[93] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 207—209.
[94] *П. Алеппский,* вып. III, с. 136—137.
[95] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 213.
[96] *Каптерев,* с. 300.
[97] Там же, с. 300—301; Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 215—217.
[98] *Каптерев,* с. 302.
[99] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 218.
[100] Там же, с. 200; *Каптерев,* с. 301—302.
[101] *Каптерев,* с. 303.
[102] Там же, с. 135.
[103] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 225—226.
[104] Митроп. *Антоний,* с. 218.
[105] *П. Алеппский,* вып. IV, с. 169.
[106] Памятники русского старообрядчества (ПРС), с. 102.
[107] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 309.
[108] Архимандрит *Леонид,* с. 7.
[109] ПРС., с. 106.
[110] Митроп. *Макарий.* История..., т. XII, с. 312—313.
[111] Там же, с. 320. [112] Там же, с. 318. [113] Там же, с. 395. [114] Там же, с. 405. [115] Там же, с. 414—415. [116] Там же, с. 383.
[117] *М. В. Зызыкин,* ч. II, с. 69—70 и 81.
[118] Там же, с. 349.
[119] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 331.
[120] Там же, с. 322—323.
[121] Там же, с. 334.
[122] ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. I, лл. 298—401.
[123] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 380.
[124] *Соловьев,* кн. VI, с. 274.
[125] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 381.
[126] Там же, с. 478. [127] ЦГАДА, ф. 27, д. 140, ч. III.
[128] Некоторые основные положения Патриарха Никона являются почти буквальными цитатами из высказываний Иоанна Златоуста, подборка которых содержится у М. В. Зызыкина. Например, «Престол священства на небесах» — см. *Зызыкин,* ч. I, с. 56; «Священство больше царства» — там же, с. 57 и 68. При этом Иоанн Златоуст относит превосходство «священства» над «царством» к делам спасения, к области церковной жизни и ее законов.
[129] *Зызыкин,* ч. I, с. 208.
[130] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 422—423. [131] Там же, с. 429.
[132] *Зызыкин,* ч. I, с. 326—327; ч. II, с. 321.
[133] *Субботин,* с. 182—185; *Макарий,* т. XII, с. 350—366.
[134] *Зызыкин,* ч. I, с. 204—206.
[135] *Каптерев,* с. 513.
[136] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 433.
[137] Там же, с. 472—477. [138] Там же, с. 517. [139] Там же, с. 479.
[140] *Соловьев,* кн. VI, с. 246—247.
[141] ПРС, сс. 1—3 и 266—270.
[142] *Субботин,* с. 105—106.
[143] *Соловьев,* кн. VI, с. 247; «Известие...», с. 47.
[144] Митроп. *Макарий.* История, т. XII, с. 506. [145] Там же, с. 506—512.